

Сюзен Элизабет
Филлипс

**Только
представьте...**

*Есть вещи, ради которых
стоит жить.*

Сьюзен Элизабет Филлипс Только представьте...

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125327
Филлипс, Сьюзен Элизабет. Только представьте...: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087747-8*

Аннотация

Кто бы мог поверить, что хрупкий юноша-подросток, появившийся в Нью-Йорке, чтобы встретиться с отважным северянином Бэроном Кейном, в действительности... девушка? Яростная мстительница-южанка Кит Уэстон, мечтающая Кейна убить.

Кто бы мог поверить в невероятное? Возможно, лишь мужчина, впервые в жизни охваченный подлинной страстью и безошибочным чутьем влюбленного угадавший в ожесточенной, безжалостной Кит свою судьбу...

Содержание

Часть первая. Помощник конюха	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	37
Часть вторая. Девушка из Темптона	46
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сьюзен Элизабет Филлипс

Только представьте...

Susan Elizabeth Phillips
JUST IMAGINE

© Лобков Д., 2015

© ООО «Фанки Инк.», 2015

* * *

Моему мужу Биллу с любовью и благодарностью

Часть первая. Помощник конюха

Когда долг тихо шепчет: «Ты обязан»,

Юность отвечает: «Я могу».

Ралф Уолдо Эмерсон

Глава 1

Старый уличный торговец сразу же заметил этого мальчика, разительно выделявшегося из толпы хорошо одетых биржевых маклеров и банкиров, заполонивших улицы Нижнего Манхэттена. Коротко остриженные черные волосы, которые, будь они чистыми, скорее всего лежали бы непокорными завитками, жирными вихрами выбивались из-под полей потрепанной фетровой шляпы. Заплатанная рубаха с засаленным воротом, расстегнутым, вероятно, из-за июльской жары, висела мешком на узких худых плечах. Обрывок кожаного ремешка подхватывал грязные, чересчур широкие штаны. Парнишка едва передвигал ноги, обутые в грубые черные башмаки, которые пришлись бы впору великану. Под мышкой он держал довольно большой узел.

Торговец облокотился на тележку с подносами, полными соблазнительных пирожных и булочек, и от нечего делать стал следить за подростком, прокладывавшим себе путь по забитому людьми тротуару, как за преступником, готовым вот-вот скрыться. Старик часто видел то, что ускользало от внимания окружающих, и что-то в этом бродяжке привлекло его внимание. Эй, ты, *ragazzo*¹, у меня для тебя пирожное. Воздушное, как поцелуй ангела. *Vieni qui!*²

Мальчишка вскинул голову и голодными глазами уставился на подносы с лакомствами, которые жена торговца собственноручно выпекала каждый день. Разносчик почти слышал, как бедняга мысленно пересчитывает медяки, запрятанные в узле, который он судорожно прижимал к себе.

– Иди же, *ragazzo*, я не возьму с тебя ни цента. Это подарок, – окликнул он, протягивая воздушное яблочное пирожное. – Подарок много повидавшего человека новому обитателю самого главного в мире города.

Вызывающе сунув большой палец за пояс, паренек вразвалочку приблизился к тележке.

– И с чего ты взял, что я новый обитатель?

Акцент, столь же отчетливый и резкий, как запах растущего в Каролине жасмина, разливающийся по хлопковым полям, невозможно было ни с чем спутать, и старик поспешил скрыть улыбку.

– Наверное, это всего лишь мой глупый бред?

Мальчик пожал плечами и ковырнул носком ботинка валяющуюся на земле картонку.

– Я ничего такого не говорил. Может, так, а может, вовсе наоборот, – объявил он и ткнул грязным пальцем в пирожное: – Сколько просишь вот за это?

– Сказано же, подарок.

Парень, подумав немного, коротко кивнул и протянул руку.

– Спасибочки вам.

¹ Оборванец (ит.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Иди сюда! (ит.)

Едва он успел взять пирожное, как к тележке подошли два бизнесмена в сюртуках и высоких касторовых шляпах. Пренебрежительный взгляд мальчика скользнул по толстым золотым цепочкам от часов, свернутым зонтикам и начищенным черным туфлям.

– Пропади пропадом все дураки янки, – пробормотал он.

Мужчины, занятые беседой, не расслышали, но едва успели отойти, как старик мрачно нахмурился:

– Думаю, мой город – неподходящее место для тебя, верно? Всего три месяца, как война закончилась. Наш президент мертв, и страсти все еще накалены.

Мальчик как ни в чем не бывало уселся на обочину и принялся за пирожное.

– Не очень-то я уважаю вашего мистера Линкольна. По-моему, он просто инфантилен.

– Инфантилен?! *Madre di Dio*?³

– Глупый, как дитя малое.

– А откуда такому оборванцу, как ты, знать ученые словечки?

Парнишка ладонью прикрыл глаза от палящего солнца и прищурился.

– Чтение книг – мое призвание! – напыщенно объявил он. – Я встретил это выражение у мистера Ралфа Уолдо Эмерсона. Я большой почитатель мистера Эмерсона. – Он начал осторожно обкусывать края пирожного. – Правда, когда я увлекся его эссе, то еще не знал, что он янки. Поверишь, просто на стену полез, когда обнаружил, откуда он родом. Но к тому времени было слишком поздно. Я уже, можно сказать, стал его учеником.

– Этот мистер Эмерсон, что такое особенное он изрек?

Кусочек яблока прилип к грязному пальцу мальчишки, и тот слизнул его языком.

– Он толкует насчет характера и уверенности в своих силах. Полагаю, уверенность в своих силах – это и есть самое важное качество человека, разве не правда?

– А по мне, так вера в Господа нашего. Важнее ничего нет.

– С некоторых пор я не слишком держусь Господа. Раньше – пожалуй, но за последние несколько лет уж больно много всего навиделся. Как янки резали наш скот и жгли загоны. Как пристрелили моего пса, Фергиса. Как миссис Льюис Годфри Форсайт потеряла в один день сына и мужа. Мои глаза состарились. Одряхлели.

Торговец попристальнее пригляделся к подростку. Маленькое личико сердечком, чуть курносый нос. Как обидно, что возмужание огрубит эти тонкие черты.

– Сколько тебе лет, *gagazzo*? Одиннадцать? Двенадцать?

Глаза редкостного темно-фиолетового цвета настороженно сузились.

– А что? Полагаю, я достаточно взрослый.

– Где же твои родители?

– Мать умерла, когда я родился. Папаша скончался в Шило три года назад.

– А ты, *gagazzo*? Почему явился сюда, в мой город Нью-Йорк?

Парнишка затолкал в рот остатки пирожного, сунул под мышку узел и встал.

– Хочу уберечь кое-что свое. Без меня это и защитить некому. Еще раз спасибо за пирожное. Очень рад нашему знакомству. Чистое удовольствие – встретить такого человека в незнакомом месте. – Он уже отошел было, но, поколебавшись, обернулся. – И кстати, чтобы вы знали: я не мальчик. И зовут меня Кит.

Пробираясь в направлении, указанном дамой на пароме, к Вашингтон-сквер, откуда начинались жилые кварталы города, Кит решила, что не стоило называть старику настоящее имя. Человек, решившийся на убийство, должен оставаться незаметным. Впрочем, какое это убийство? Скорее, акт правосудия, хотя, если ее поймут, вряд ли судьи-янки станут придерживаться этой точки зрения. Лучше бы им не знать, что Катарина Луиза Уэстон с планта-

³ Здесь: И что означает это мудреное слово? (*ит.*)

ции «Райзен глори»⁴, расположенной вблизи Радерфорда, Южная Каролина, приблизилась к этому проклятому городу.

Кит крепче прижала к себе узел, в котором были спрятаны шестизарядный самовзводный армейский револьвер, когда-то принадлежавший отцу, обратный билет до Чарлстона, «Эссе» и «Вера в себя» Эмерсона, смена одежды и деньги, на которые ей придется пока жить. Хорошо бы покончить с делом сегодня и поскорее вернуться домой, но придется сначала последить за ублюдком-янки, вернее, за его передвижениями. Пристрелить его – полдела, главное – потом не попасться.

До сих пор самым большим городом, куда ей доводилось ездить, был Чарлстон, но Нью-Йорк – совсем другое дело! Шагая по шумным, оживленным улицам, Кит была вынуждена признать, что и тут есть свои немалые преимущества, не говоря уже о захватывающих видах. Прекрасные церкви, роскошные отели, шикарные магазины с мраморными фасадами и массивными дверями... Но горечь мешала восхищаться чудесами большого города. Похоже, Нью-Йорк совсем не коснулась война, уничтожившая и разорившая Юг. Если Господь действительно существует, Кит свято надеялась, что он отправит душу Уильяма Т. Шермана⁵ гореть в аду.

Засмотревшись на шарманщика, девушка налетела на спешившего домой пешехода.

– Эй, мальчишка! – рассердился тот. – Смотри под ноги!

– Сам смотри! – огрызнулась она. – И я тебе не мальчишка!

Но мужчина уже исчез за углом.

Да что они, ослепли все?! С того дня как она покинула Чарлстон, все принимают ее за мальчишка! Ей это не нравилось, но, впрочем, может, все к лучшему? Шатающийся в одиночку мальчишка не так подозрителен, как девушка. Правда, обитателям Радерфорда и в голову не приходило считать ее девчонкой. Они знали ее едва не с пеленок и помнили, что она не выносит девчоночьих ужимок, всяких бантиков, рюшечек и оборочек.

Ах, если бы только все не менялось с такой ужасающей быстротой! Южная Каролина. Радерфорд. «Райзен глори». Даже она сама. Старик принял ее за ребенка, на самом же деле она совсем взрослая. В восемнадцать лет девушка уже может считаться настоящей женщиной. И хотя тело это подтверждало, ум отказывался смириться. То, что она родилась девчонкой, всегда казалось ей чем-то невероятным.

Заметив полисмена, она поспешно спряталась за спинами рабочих, тащивших ящики с инструментом. Несмотря на съеденное пирожное, в животе урчало от голода. Ноги заплетались от усталости. Если бы только она снова оказалась в «Райзен глори», на любимом персиковом дереве, или у озера, с удочкой в руках... или хотя бы в кухне, где, как всегда, хлопочет Софрония!

Девушка сунула руку в карман и стиснула клочок бумаги, словно желая увериться, что он все еще на месте, хотя написанный на нем адрес навеки отпечатался в мозгу. Нужно еще поискать, где бы остановиться на ночлег, но прежде она хотела взглянуть на дом. Может, и увидит человека, угрожавшего существованию всего, что она любила. Ну а потом Кит сумеет сделать то, что не удалось ни одному солдату во всей армии конфедератов. Выхватит оружие и отправит на тот свет майора Бэрона Натаниела Кейна.

Бэрона Кейна можно было назвать роковым красавцем: рыжевато-каштановые волосы, точеный нос, серебристо-серые глаза. У него был бесшабашный вид человека, постоянно ходившего по краю пропасти. При этом необходимо заметить, что ему приелось все на свете.

⁴ Здесь: возвращенная слава; намек на воскрешение г Христа.

⁵ Генерал, командовавший войсками северян в 1861–1865 гг. Войско под его командованием, соединившись с армией генерала Гранта, вынудило южан к капитуляции.

Вернее, до смерти надоело. Пусть Дора Ван Несс прелестна и не отличается строгостью нравов, все же Кейн откровенно жалел, что пригласил даму на ужин. Сегодня он не в настроении слушать ее трескотню. И хотя знал, что она готова к любовной схватке, намеренно засиделся за бренди. В конце концов, он не какой-то дрессированный домашний песик! И всегда брал женщин на своих условиях! Кроме того, такое бренди следует ценить по достоинству.

У бывшего владельца дома был превосходный винный погреб, содержимое которого вместе с самим особняком перешло к Кейну благодаря его железным нервам и вовремя выпавшей паре королей.

Бэрон вынул тонкую сигару из деревянного хьюмидора⁶, оставленного экономкой на столе, отрезал кончик и зажег.

Через несколько часов его ждут в одном из лучших клубов Нью-Йорка, где наверняка затеется игра в покер по высоким ставкам. Но до этого он успеет вдоволь насладиться прелестями Доры.

Откидываясь на спинку стула, он заметил взгляд женщины, устремленный на шрам, уродующий тыльную сторону его правой ладони, – один из многих, полученных во время войны и неизменно возбуждавших любовницу.

– Бьюсь об заклад, Бэрон, ты не расслышал ни единого слова из того, что я произнесла за весь вечер, – кокетливо заметила Дора, проводя языком по губам.

Кейн знал, что женщины считают его неотразимым, но отнюдь не гордился ни своей внешностью, ни столь лестным мнением, считая, что все это вовсе не его заслуга. Всего лишь наследие слабовольного отца и матери, раздвигавшей ноги перед каждым, кто достаивался ее мимолетного внимания.

Ему было четырнадцать, когда он впервые заметил взоры, бросаемые на него женщинами. Сначала он отвечал на каждый, но со временем ему приелись подобные утехы, да и женщин было слишком много.

– Разумеется, слышал, – лениво обронил он. – Ты привела сотню причин, по которым мне следовало бы работать на твоего отца.

– Он человек влиятельный.

– У меня уже есть занятие.

– О, брось, Бэрон, какое же это занятие? Так, времяпрепровождение.

Бэрон ответил бесстрастным взглядом.

– Ошибаешься. Игра – мой способ зарабатывать на жизнь и безбедно существовать.

– Но...

– Выбирай: или немедленно отправляешься наверх, или я провожаю тебя домой. Не хотелось бы чересчур тебя задерживать.

Дора немедленно вскочила, и уже через несколько минут они резвились в постели. Сжимая в ладонях полные, налитые груди, Бэрон лениво размышлял, почему не чувствует особого удовольствия.

– Сделай мне больно, – прошептала она. – Чуточку. Самую малость.

Он устал причинять и терпеть боль, устал от войны, крови и ужасов, и хотя, казалось, все закончилось, раны так и не зажили. Однако уголки его губ дернулись в циничной ухмылке.

– Все, что прикажет леди.

Позже, снова оставшись один, уже одетый для вечера, Бэрон бродил по комнатам дома, выигранного с помощью пары королей. Что-то в обстановке напоминало ему о жилище, где он родился и рос.

⁶ Специальная коробка для сигар с увлажнителем.

Мальчику было всего десять, когда мать сбежала, оставив его с обремененным долгами отцом в унылом филадельфийском особняке, постепенно разрушавшемся от небрежения и отсутствия денег. Три года спустя отец умер, и дамы – члены благотворительного комитета пришли, чтобы забрать Бэрона в сиротский приют. В ту же ночь он сбежал, не имея ясной цели, не зная куда, придерживаясь исключительно одного направления. Западного.

Следующие десять лет он бродяжил, перебираясь из одного города в другой, и перепробовал десятки занятий: перегонял скот, клал железнодорожные шпалы и рельсы, искал золото, пока не обнаружил, что может найти больше драгоценного металла за карточным столом, чем в ручьях и речках. В то время Запад был новым, неосвоенным пространством, нуждавшимся в образованных людях, но Бэрон не смел никому признаться, что умеет читать. Женщины влюблялись в красивого юношу, чьи словно высеченные резцом скульптора черты и холодные серые глаза обещали тысячи тайн и несказанных наслаждений, но ни одной не удалось растопить лед, казалось навеки сковавший его душу. Те человеческие эмоции, которые укореняются с самых ранних лет и расцветают в ребенке, познавшем любовь, начисто в нем отсутствовали. Сам Кейн не знал, убиты ли они навсегда или дожидаются, пока их разбудят. Не знал и знать не хотел.

Едва разразилась война, он впервые за двенадцать лет пересек Миссисипи в обратном направлении и записался в армию, но не для того, чтобы помочь сохранить Союз, – просто превыше всего ценил свободу и ненавидел рабство в любой форме. Позже он присоединился к обстрелянным ветеранам армии Гранта и заслужил одобрение генерала при штурме форта Генри. К тому времени, когда они добрались до Шило, он уже числился при штабе генерала. Ему удалось дважды избежать смерти: сначала в битве при Виксберге и четыре месяца спустя под Чаттанугой, при атаке на Мишинери-Ридж, в сражении, открывшем войскам Шермана путь к морю.

Газеты пестрели заметками о Бэроне Кейне, провозглашавшими его «героем Мишинери-Ридж» и превозносившими до небес за мужество и патриотизм. После ряда успешных рейдов Кейна через линию фронта репортеры на все лады комментировали фразу генерала Гранта: «Я предпочел бы скорее потерять правую руку, чем Бэрона Кейна».

Но ни газетные писаки, ни сам генерал не подозревали, что Кейн не мог обходиться без риска, как пьяница – без алкоголя. Опасность, как и секс, словно вливалась в его жилы свежую кровь, делала его живым и деятельным. Он привык ставить на карту все. Абсолютно все.

Но постепенно поблекло и это. Карты, эксклюзивные клубы, женщины – ничто уже не имело для него значения. Что-то ушло, какой-то стержень сломался, и Бэрон сам не мог понять, в чем дело.

Кит дернулась, как от толчка, и подняла голову. Разбудил ее чей-то незнакомый мужской голос. Девушка не сразу пришла в себя и, машинально вытащив из-за ворота соломинку, вообразила, будто каким-то чудом очутилась дома, в коровнике «Райзен глори», но тут же вспомнила, что постройка сгорела.

– Почему бы тебе не уgomониться, Магнус? День выдался нелегким, – увещевал незнакомец. Доносившийся из-за перегородки стойла голос показался ей довольно резким: ни тягучих гласных, ни пришепетывающих согласных ее родины.

Девушка моргнула, пытаясь привыкнуть к темноте. И тут она вдруг сообразила, где находится. Иисусе сладчайший! Да ведь она уснула в конюшне Бэрона Кейна!

Кит оперлась на локоть, досадуя, что не может ничего разглядеть. Та женщина на пароме неправильно объяснила, куда идти, и она сумела отыскать дом только в сумерках. Сначала пряталась под деревьями, но, не обнаружив опасности, обошла дом с задней стороны, перелезла через забор и забралась в открытое окно конюшни, чтобы самолично все

проверить. К несчастью, знакомые запахи лошадей и свежей соломы ее сморили, и Кит уснула, забившись в дальний угол.

– Хотите взять утром Саратогу?

А вот это уже другой голос – знакомый мелодичный акцент напоминает речь бывших рабов с южных плантаций.

– Может быть. Что-то случилось?

– Не нравится мне ее нога. Лучше бы дать кобылке передохнуть.

– Будь по-твоему. Я сам завтра посмотрю. Доброй ночи, Магнус.

– И вам того же, майор.

Майор?!

Сердце Кит заколотилось. Значит, тот, кому принадлежит низкий голос с резковатыми нотками, и есть Бэрн Кейн?

Она подкралась к окошку и перегнулась через подоконник, но увидела лишь его спину. Майор вошел в ярко освещенный дом и исчез. Слишком поздно! Ей не удалось взглянуть ему в лицо. Целый день пропал зря!

На какое-то мгновение предательский комок застрял в горле. Что же она наделала, дура безмозглая! Испортила все, что могла. Глухой ночью, одна в незнакомом городе янки – и едва не попала с поличным в первый же день!

Кит судорожно сглотнула и решительно попыталась взять себя в руки, для чего нахлобучила потрепанную шляпу на самый лоб. Нет смысла плакать над тем, чего уж не вернуть. Сейчас главное – выбраться отсюда и найти место для ночлега. Завтра она возобновит наблюдение с более безопасного расстояния.

Девушка схватила узел, подобралась к двери и прислушалась. Кейн уже в доме, но где этот таинственный Магнус?

Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Свет, пробивавшийся из щелей между занавесок, падал на открытое пространство рядом с конюшней и каретным сараем. Кит выскользнула наружу и прислушалась, но во дворе было тихо и безлюдно. Она знала, что железные ворота в высоком кирпичном заборе заперты, так что придется удалиться тем же путем, каким пришла. Беда только, что придется перебежать через двор.

Поежившись от неприятного предчувствия, Кит набрала в грудь воздуха и пустилась бежать. И почти сразу же поняла: что-то неладно. В ночном воздухе, не перебиваемый больше запахом конского пота, плыл тонкий аромат сигарного дыма.

Потеряв голову от страха, Кит попыталась забраться на забор, но плетью плюща, за которую она схватилась, не выдержала. Девушка лихорадочно вцепилась в другую, уронила узел и подтянулась. Она почти добралась до верха, как кто-то сильно дернул ее за штаны. Беспомощно взмахнув руками, словно пытаясь удержаться за воздух, она упала на землю лицом вниз. В поясницу уперся чей-то сапог.

– Так-так, и кто же это нас навестил? – издевательски протянул владелец сапога.

Кит, все еще не в силах отдышаться, сразу же узнала голос. Голос заклятого врага, майора Бэрона Натаниела Кейна. Багровый туман ярости застлал ей глаза. Она попробовала встать, но он придавил ее чуть сильнее.

– Убери свою чертову лапу, поганый сукин сын!

– Мне почему-то кажется, что делать этого не следует, – спокойно ответил он, чем еще больше разозлил девушку.

– Пусти меня! Немедленно пусти!

– Для вора ты ужасно сварлив.

– Вор?!

Взбешенная девушка в бессильном гневе заколотила кулаками по земле.

– Я в жизни ничего не украл! Найди человека, который утверждает обратное, и увидишь чертова лжеца!

– В таком случае что же ты делал в моей конюшне?

А вот на это у Кит ответа не нашлось. Как бы получше соврать, чтобы он поверил?

– Я пришел... ищу работу на конюшне. Тут никого не оказалось, вот я и решил подождать, пока появятся конюхи.

Ну... ну и заснул случайно.

Тяжелый сапог не сдвинулся ни на дюйм.

– К-когда я проснулся, было темно. Тут я услышал голоса и побоялся, что кто-то меня увидит и подумает, будто я задумал покалечить лошадей.

– А вот мне кажется, что, если человек ищет работу, у него хватит ума постучать в заднюю дверь.

К сожалению, Кит разделяла его мнение.

– Постеснялся, – тихо проговорила она.

Бэрн усмехнулся и не спеша убрал ногу.

– Можешь подняться. Но учти, парень, если задумал сбежать, горько пожалеешь.

– Я не... – Кит вовремя успела прикусить язык и поправилась: – Я вовсе не думал бежать. Да и с чего бы, раз я не сделал ничего плохого?

– А вот это мы сейчас проверим.

В этот момент луна выплыла из-за тучи, и то, что до сих пор было всего лишь неясной зловещей тенью, превратилось в мужчину из плоти и крови. У Кит перехватило дыхание. Он оказался высоким, широкоплечим и узкобедрым, и хотя она обычно не обращала внимания на подобные вещи, невольно созналась себе, что не видела мужчины красивее. Из-под воротничка белой сорочки, скрепленного маленькими пуговицами из оникса, свисали концы галстука. Ноги обтянуты черными брюками. Он стоял в свободной позе, слегка опершись рукой о бедро, и посасывал тонкую сигару.

– И что у нас там? – осведомился он, кивком указав на узел, все еще валявшийся у ограды.

– Ничего вашего! – огрызнулась Кит.

– Покажи.

Ей ужасно хотелось ответить отказом, но, взглядевшись в его лицо, она решила не рисковать и поэтому вытащила узел из травы и поспешно развязала.

– Смена одежды, «Эссе» мистера Эмерсона и шестизарядный револьвер моего па. – Она не упомянула о билете до Чарлстона, спрятанном в книге. – Как видите, чужого не беру.

– А что такой мальчишка, как ты, понимает в Эмерсоне?

– Я его последователь.

Уголок его губ слегка приподнялся.

– А деньги у тебя есть?

Девушка наклонилась и принялась вновь завязывать узел.

– Еще бы! Куда я без денег? Думаете, я настолько инфантилен, чтобы заявиться в чужой город без единого цента?

– И сколько же?

– Десять долларов! – вызывающе бросила она.

– Долго в Нью-Йорке на это не проживешь.

Знай он, что у нее всего три доллара двадцать восемь центов, еще не то бы сказал!

– Говорю же вам, что ищу работу.

– Это я слышал.

Если бы он не был таким великаном! Кит невольно попятилась, ненавидя себя за трусость.

– Пожалуй, мне лучше уйти.
– Ты самовольно влез ко мне в дом, а это незаконно, так что я вправе вызвать полицию – пусть они тебя хорошенько допросят.

Кит, не любившая, когда ее загоняли в угол, храбро вздернула подбородок.

– А мне плевать, пусть хоть колотят – я все равно ничего плохого не делал!

Бэрн картинно скрестил руки на груди.

– Откуда ты, парень?

– Мичиган.

Сначала она не сообразила, чем вызван взрыв хохота, но, тут же поняв свою ошибку, потупилась.

– Похоже, вы меня поймали. По правде сказать, я из Алабамы, но, хоть война и кончилась, не стоит об этом трубить на каждом углу.

– В таком случае тебе лучше держать рот на замке, – хмыкнул он. – Не слишком ли ты молод, чтобы таскать оружие?

– Это еще почему? Я умею с ним обращаться.

– Бьюсь об заклад, так оно и есть, – кивнул Бэрн. – Кстати, почему ты сбежал из дома?

– Там нет работы.

– А твои родители?

Кит повторила историю, рассказанную уличному торговцу, и Бэрн надолго задумался. Девушка усилием воли заставила себя не поежиться под его взглядом.

– Мой помощник конюха уволился на прошлой неделе. Хочешь работать на меня?

– На вас? – едва слышно пролепетала она.

– Именно. Пойдешь под начало Магнуса Оуэна, моего управителя. У него, правда, не столь лилейно-белая кожа, так что, если это оскорбит твою гордость южанина, лучше скажи сразу и не будем тратить время. – Не дождавшись ответа, Кейн продолжал: – Будешь спать в конюшне, а есть на кухне. Жалованье – три доллара в неделю.

Кит упрямо долбила землю носком изношенного башмака. Мысли лихорадочно метались. Сегодня она успела усвоить одно: Бэрона Кейна не так легко убить. И это, пожалуй, сейчас главное, тем более что он успел разглядеть ее лицо. Работа на конюшне даст возможность держаться поближе к нему, хотя делает ее задачей вдвойне опасной. Но с каких это пор она боялась опасности? Кит ничто и никогда не могло удержать! Не удержит и сейчас.

Она по привычке сунула большие пальцы за пояс.

– Еще пятьдесят центов, янки, – и по рукам.

Ее комната над конюшной приятно пахла лошадьми, пылью и кожей. И обстановка оказалась довольно уютной: кровать, дубовое кресло-качалка и выцветший тряпичный коврик. Имелся и умывальник, который Кит предпочла проигнорировать. Ее гораздо больше интересовало окно, выходящее на зады дома, откуда она могла видеть все, оставаясь незамеченной.

Подождав, пока Кейн уйдет, она сбросила ботинки и легла на кровать. Несмотря на короткий отдых в стойле, она чувствовала себя усталой. Правда, сразу заснуть не удалось. Вместо этого она принялась гадать, как пошла бы ее жизнь, если бы десять лет назад отцу не взбрело в голову отправиться в Чарлстон и там жениться второй раз.

Гаррет Уэстон, очарованный Розмари с первого взгляда, потерял разум, несмотря на то что она была старше и под ослепительной внешностью красавицы блондинки таились жестокость и эгоизм, заметные каждому дураку. Но очевидно, этот дурак оказался еще и слеп. Розмари не скрывала, что не выносит детей, и в тот день, когда Гаррет привез жену в «Райзен глори», та под предлогом, что новобрачные нуждаются в уединении, отправила восьмилетнюю падчерицу в хижину рядом с бараками рабов. Вернуться ей так и не поз-

волили. Если девочка забывала, что больше не имеет права расхаживать по дому, Розмари немедленно освежала ей память пощечиной или оплеухой, а когда в очередной раз выдрала за уши, Кит предпочла скрываться на кухне. Даже нечастые уроки, получаемые от соседского гувернера, проводились в хижине.

Гаррет Уэстон и без того никогда не был любящим отцом, а теперь и вовсе не замечал, что его единственной дочери уделяют куда меньше внимания, чем детям рабов. Бедняга совсем помешался на своей прелестной чувственной жене.

Вся округа возмущалась подобным поведением: «Ребенок предоставлен самому себе. Такое и мальчику непозволительно, что уж тут говорить о девочке! Возмутительно! Недопустимо!»

Однако Розмари Уэстон, мало интересовавшаяся местным обществом, игнорировала недвусмысленные намеки на то, что Кит пора иметь гувернантку или по меньшей мере приличную одежду. Иногда добросердечные матроны дарили Кит поношенные платья дочерей и читали лекции о том, как должна вести себя истинная леди. Но девочка слушала наставления вполуха и выменивала обноски на мальчишечьи штаны и рубашки. К десяти годам она умела стрелять, драться, ездить верхом без седла и даже курить.

По ночам, когда нестерпимо терзало одиночество, она не устала твердить себе, что новая жизнь имеет немало преимуществ для обожающей приключения девочки с душой, рвущейся к опасности. Она в любую минуту могла вскарабкаться на персиковое дерево, могла, когда хотела, раскачиваться на веревке, привязанной к стропилам коровника. Работники на плантации научили ее скакать верхом и ловить рыбу. Она частенько прокрадывалась в библиотеку на рассвете, пока мачеха еще спала, чтобы без помех и нотаций выбрать нужную книгу. Ссадив коленку или занозив ногу, она бежала на кухню, где кухарка Софрония немедленно спешила ей на помощь.

Но война все изменила. Первые пушечные выстрелы раздались у стен форта Самтер за месяц до ее четырнадцатого дня рождения. Вскоре после этого Гаррет поручил управление плантацией жене и записался в армию конфедератов. Поскольку Розмари не вставала раньше одиннадцати и почти никогда не покидала дома, «Райзен глори» вскоре пришла в запустение. Кит отчаянно пыталась заменить отца. Но война положила конец торговле южным хлопком, а девочка была еще слишком юна, чтобы найти выход.

Рабы разбежались. Уэстона убили под Шило. Кит с привычной горечью узнала, что он оставил плантацию жене. Сама девушка несколько лет назад получила трастовый фонд от бабушки, но это для нее ничего не значило.

Им не пришлось долго дожидаться наступления янки. Северяне прошли маршем через Радерфорд, грабя и поджигая все на своем пути. Увлечение Розмари красавчиком лейтенантом из Огайо и последовавшее недвусмысленное приглашение в спальню помогли спасти дом, хотя хозяйственные постройки погибли. Вскоре после капитуляции генерала Ли в Аппоматоксе разразилась эпидемия инфлюэнцы, унесшая жизнь Розмари.

Кит потеряла отца, детство, привычную жизнь. Осталась только земля. Только «Райзен глори». И это было для нее всем.

Свернувшись клубочком на тощем матрасе, девушка в который раз поклялась себе, что все вернет, даже если цена окажется непомерно высокой.

Она заснула, не успев помечтать о том, какой прекрасной станет жизнь, когда «Райзен глори» наконец будет принадлежать ей.

В конюшне стояли четыре лошади: два гунтера и одномастная пара для экипажа. Напряжение, сковавшее Кит, немного ослабло, когда гнедой с длинной изящной шеей ткнулся носом ей в плечо. Все будет хорошо. Главное – не торопиться и держать ухо востро. Кейн опасен, но у нее есть преимущество: в отличие от него она знает врага в лицо.

– Его зовут Аполлон.

– Что?

Круто развернувшись, она оказалась лицом к лицу с высоким, стройным, узкоплечим молодым человеком с кожей цвета темного шоколада и огромными выразительными глазами, стоявшим по другую сторону низкой дверцы, которая отделяла стойла от центрального прохода. На вид ему было лет двадцать с небольшим. У ног незнакомца лежала белая с черным дворняга.

– Этого гнедого зовут Аполлон. Любимый конь майора.

– Сразу видно, – буркнула Кит, открывая дверцу.

Пес немедленно принялся ее обнюхивать под критическим взглядом молодого негра.

– Я – Магнус Оуэн. Майор сказал, что поймал тебя прошлой ночью, когда ты лез через забор. Скажи спасибо, что он согласился нанять тебя!

– Никуда я не лез... то есть не совсем. Уж больно он подозрительный, твой майор, – фыркнула Кит. – Твоя собака?

– Да. Я дал ему кличку Мерлин.

– Похоже, никчемный дворняга!

Гладкий высокий лоб Магнуса собрался крупными морщинами.

– Интересно, почему это ты хулишь моего пса, парень, – негодуя осведомился он, – если даже его не знаешь!

– Я весь вечер проспал вон в том стойле. Если бы твой Мерлин чего-то стоил, наверняка ему бы это не понравилось, – объяснила Кит, нагибаясь и рассеянно почесывая дворнягу за ухом.

– Да вчера Мерлина тут и не было, – вступился Магнус за друга. – Он был со мной.

– Вот как? Что же, значит, я неверно о нем судил. Янки пристрелили моего пса Фергиса. Лучшего на свете. Я по сей день о нем горюю.

Лицо Магнуса немного смягчилось.

– Как тебя зовут?

Кит, немного помедлив, решила, что лучше назваться собственным именем. А вот фамилия...

На полке, над головой Магнуса, стояла большая банка смазки Финни для кожи и сбруи.

– Кит. Кит Финни.

– Уж больно странное имя для парнишки.

– Мои родители были большими поклонниками Кита Карсона, того, что дрался с индейцами.

Магнус, по-видимому, удовлетворился таким объяснением и перешел к перечислению обязанностей, которые должен выполнять помощник конюха. После они отправились завтракать на кухню, и он представил Кит экономке, Эдит Симмонс, дородной женщине с редкими полуседыми волосами и твердым мнением обо всем на свете. Она служила кухаркой и домоправительницей у прежнего владельца и согласилась остаться, только когда узнала, что Бэрн Кейн не женат и, следовательно, некому будет указывать ей, что делать. Эдит верила в бережливость, хорошую еду и личную гигиену, а это означало, что она и Кит с первого взгляда невзлюбили друг друга.

– Мальчишка слишком грязен, чтобы есть за одним столом с приличными людьми.

– Не стану спорить, – отозвался Магнус.

Кит была слишком голодна, чтобы возражать, поэтому потопала в кладовую и плеснула немного воды на лицо и руки. Правда, отказалась прикоснуться к мылу, имевшему, по ее мнению, слишком приторный аромат. Все дело в том, что Кит, сколько себя помнила, ожесточенно сражалась со всякими проявлениями женственности.

Жадно глотая вкусную еду, она незаметно изучала Магнуса. Судя по почтительному обращению миссис Симмонс, он в этом доме был важной шишкой. Странно... вернее, необычно для человека с темной кожей и к тому же совсем молодого. Кит показалось, что он кого-то ей напоминает. Но вот кого?

Только покончив с завтраком, девушка сообразила, что Магнус Оуэн чем-то походил на Софронию из «Райзен глори», единственного человека, которого она любила. И Магнус, и Софрония вели себя так, словно знали все на свете.

Тоска по дому сжала сердце словно клещами, но девушка постаралась не поддаваться. Скоро она вернется в «Райзен глори» и возродит плантацию к жизни.

Днем, закончив всю работу, она присела в тени конюшни. Рядом, уткнувшись носом в ее ногу, примостился спящий Мерлин. При появлении Магнуса пес даже не шевельнулся.

– Говорил же я, эта собака цента медного не стоит, – прошептала Кит. – Будь ты убийцей, я уже был бы мертв!

Магнус, усмехнувшись, присел рядом.

– Признаюсь, сторожевая собака из него никакая. Правда, он еще совсем маленький. Майор нашел его щенком в переулке за домом и принес сюда.

Сегодня Кит видела майора всего один раз, когда тот коротко велел ей оседлать Аполлона. Он был так занят собой, что не снизошел до беседы с каким-то мальчишкой. Правда, Кит не больно-то и хотелось с ним разговаривать, но дело в принципе! Значит, ему на всех плевать.

Газеты трубили о его подвигах. Она знала, что Кейн сражался при Виксберге и Шило. Кто знает, может, именно он убил ее отца! Как неправильно, плохо, обидно, что он жив, когда столько отважных конфедератов лежат в безымянных могилах! И еще более несправедливо, что каждый его вздох, каждый жест грозят отнять у Кит единственную оставшуюся радость.

– Давно ты знаешь майора? – осторожно поинтересовалась она.

Магнус сорвал травинку и принялся лениво жевать.

– Еще с Чаттануги. Он едва не потерял свою жизнь, спасая мою. С тех пор мы неразлучны.

Ужасное подозрение возникло у Кит.

– Но ты ведь не сражался за янки, Магнус?

– Еще как сражался!

Она сама не понимала, почему так расстроилась... разве только потому, что Магнус сразу ей понравился и она хотела перетянуть его на свою сторону.

– Ты же сам говорил, что родом из Джорджии! Почему же не боролся за родной штат?

Магнус медленно вытащил стебелек изо рта.

– Ну ты и наглец, парень! Сидишь рядом с чернокожим и глазом не моргнув допрашиваешь, почему он не защищал людей, державших его в цепях и угощавших плетью. Я получил свободу, когда мне было двенадцать, и тут же отправился на Север. Нашел работу, пошел в школу. Но все же я не был свободен по-настоящему, понимаешь? Ни один негр в этой стране не мог быть по-настоящему свободен, пока его братья и сестры изнывали в рабстве.

– Изначально дело было вовсе не в рабстве, – терпеливо начала объяснять девушка. – Вопрос заключался в том, имеет ли штат право самоуправления без вмешательства столичных властей. Рабство – всего лишь предлог.

– Может, и так, белый малыш, но для меня это было главным.

Как она забыла, что чернокожие ужасно обидчивы?

Кит со вздохом покачала головой, глядя вслед удалявшемуся Магнусу, но позже, задавая лошадям корм, долго размышляла над тем, что он сказал. Разговор напомнил ей о горячих спорах с Софронией.

* * *

Кейн спешился с грацией, неожиданной для человека его габаритов, и бросил Кит поводья Аполлона.

– Оботри его и дай остыть, прежде чем поставить в стойло. Не хватало еще, чтобы конь заболел! – приказал он, шагнув к крыльцу.

– Я свое дело знаю, – проворчала Кит ему вслед. – И не нуждаюсь в том, чтобы какой-то янки указывал мне, как обращаться с разгоряченной потной лошастью.

Не успели слова слететь с губ, как девушка спохватилась, но было поздно. Что она мелет! Сегодня только среда, и рисковать увольнением она просто не имеет права!

Кит уже успела узнать, что только по воскресеньям миссис Симмонс и Магнус не ночуют в доме. Экономка обычно брала выходной и уезжала к сестре, а Магнус, по ее словам, проводил время, пьянствуя и дебоширя. В подробности миссис Симмонс не вдавалась, утверждая, что такие вещи не годятся для юных ушей. Еще четыре дня нужно быть поосторожнее. Ну а потом она пристрелит ублюдка-янки, который так и сверлит ее ледяными серыми глазищами.

– Если считаешь, что тебе лучше работать на кого-то другого – только скажи, и я найду другого мальчишку.

– А я и не говорил, что лучше работать на кого-то другого, – пробормотала она.

– В таком случае, может, постарайся время от времени придерживать болтливый язык? – процедил Кейн. Кит принялась ковырять землю носком ботинка. – Кстати, Кит, советую искупаться. Люди жалуются, что от тебя нестерпимо несет.

– Искупаться?!

Кит буквально подскочила от негодования и едва сдержалась, чтобы не высказаться. Кейн, казалось, наслаждался ее бессильной яростью.

– Ты еще что-то хотел сказать?

Девушка стиснула зубы, воображая размер дыры, которую она проделает в его голове.

– Нет, сэр.

– В таком случае чтобы через полтора часа перед крыльцом стоял экипаж.

Прогуливая Аполлона по двору, девушка сыпала немислимыми ругательствами, которые вогнали бы в краску даже просоленного морского волка. Смерть янки доставит ей ни с чем не сравнимое удовольствие. Должно быть, за все восемнадцать лет жизни она не испытывала подобного. И какое ему дело, моется она или нет? Всякий знает, что чистюли чаще болеют инфлюэнцей. Кроме того, придется снять одежду, а она терпеть не могла вида своего тела, с тех пор как округлились груди, потому что это портило все. И фигуру, и представление Кит о том, кем ей следовало родиться.

Мужчиной.

Девушки слабы и безвольны. Впрочем, она сумела перебороть свою природу и стать сильной и жесткой, как любой парень. И пока она не видит себя, ничто не мешает ей предаваться собственным фантазиям.

Все еще чувствуя себя не в своей тарелке, она подвела к крыльцу пару серых лошадей, запряженных в коляску, и стала ждать появления Кейна. Не желая раздражать хозяина, она протерла лицо водой и поменяла одежду, но, поскольку эти обноски оказались ничуть не лучше старых, особой разницы не наблюдалось.

Спустившись по ступенькам, Кейн заметил залатанные штаны и выцветшую голубую рубаху и решил, что парнишка выглядит хуже прежнего. Он попытался рассмотреть маленькое личико под обвисшими полями шляпы и решил, что подбородок мог быть и почище. Наверное, не следовало нанимать постреленка, но поведение и манеры мальчишки вызывали

невольную, давно забытую улыбку и в сердце просыпалось что-то похожее на нежность и доброту.

К сожалению, предстоящее днем событие вряд ли можно было назвать веселым или забавным. Жаль, что Дора хитростью, лестью и уговорами вырвала у него согласие покататься в Центральном парке. И хотя оба они с самого начала знали неписанные правила, Кейн подозревал, что она стремится к более серьезным отношениям и хочет воспользоваться относительным уединением, чтобы попытаться настоять на своем. Впрочем, вряд ли она отважится на такое в присутствии третьего...

– Располагайся на заднем сиденье, парень. Пора тебе посмотреть город.

– Мне?!

У мальчишки был такой ошеломленный вид, что Кейн снова улыбнулся.

– Вроде, кроме тебя, тут никого нет. Должен же кто-то держать лошадей!

И разрушить все планы Доры сделать его новым членом семейства Ван Несс!

Кит посмотрела в серые, убийственно жестокие глаза янки, погубившего столько мятежников, передернула плечами и вскарабкалась на обтянутое кожей сиденье. Чем меньше времени она станет проводить в его обществе, тем лучше. Она твердо это знала. Но что поделаешь, если он так велел.

Ловко управляя коляской, катившей по нью-йоркским мостовым, Кейн успевал показывать Кит достопримечательности, и постепенно ее настороженность сменилась неприкрытым восхищением. Они миновали знаменитый ресторан Дельмонико, и театр Уоллаха, где в роли Оливера Твиста выступала знаменитая Шарлотта Кашман. Кит рассматривала модные магазины и отели, окружавшие зеленую Мэдисон-сквер. Чуть дальше, к северу, виднелись очертания богатых особняков.

Кейн остановился перед строением внушительного вида и небрежно бросил:

– Присмотри за лошадьми, парень. Я скоро.

Сначала Кит, чтобы скоротать время, вертела головой, любуясь роскошными зданиями и шикарными экипажами с разодетыми седоками. Но при мысли о Чарлстоне, превращенном в развалины, ощутила, как внутри поднимаются боль и обида.

– Идеальный день для прогулки! И мне нужно рассказать тебе поразительную историю!

Подняв глаза, Кит воззрилась на элегантно одетую женщину с блестящими светлыми локонами и пухленькими надутыми губками, спускавшуюся по ступенькам крыльца под руку с Кейном. Пышную фигуру туго обтягивал земляничного цвета шелк, на голове чуть набок сидела крошечная, похожая на комок взбитых сливок шляпка, кружевной зонтик защищал молочно-белую кожу от палящего солнца. Кит возненавидела ее с первого взгляда.

Кейн помог женщине усесться и учтиво расправил ее юбки, отчего окончательно упал в глазах Кит. Если он способен увлечься подобного рода женщинами, значит, далеко не так умен, как она считала.

Девушка поставила ободранный башмак на железную ступеньку и ловко забралась в экипаж. Незнакомка в удивлении отпрянула.

– Бэрон, кто это грязное создание?

– Кого это вы называете грязным? – воинственно осведомилась Кит, сжав кулаки и вскакивая.

– Садись! – рявкнул Кейн.

Кит злобно уставилась на него, что-то прошипев, плюхнулась на сиденье и принялась сверлить взглядом задорную шляпку. Кейн щелкнул поводьями, и коляска выехала на мостовую.

– Кит – помощник конюха, – пояснил он Доре. – Я взял его с собой, чтобы было кому подержать лошадей, если ты захочешь походить по парку.

Ленты на шляпке Доры негодуяюще дрогнули.

– Сегодня слишком жарко для пеших прогулок!

Кейн безразлично пожал плечами. Дора спряталась под зонтиком, всем своим видом выражая неудовольствие, и Кит злорадно отметила про себя, что Кейн не обращает на даму ни малейшего внимания. В отличие от Доры Кит недолго расстраивалась и вскоре, нежась под лучами яркого солнца, вновь принялась рассматривать красивые дома, памятники и широкие улицы. В конце концов, это ее единственный шанс увидеть Нью-Йорк, и если даже придется слушать объяснения заклятого врага, настроения это не испортит.

– А вот и Центральный парк.

– Понять не могу, откуда такое название. Всякий дурак скажет, что он расположен в северной части города.

– Нью-Йорк быстро растет, – пояснил Кейн. – Пока здесь ничего нет, кроме немногочисленных ферм, лачуг и хибарок, но скоро город заполонит все и парк окажется в самом центре.

Кит хотела бросить какое-то скептическое замечание, но Дора вдруг развернулась и пронзила ее уничтожающим взглядом, яснее всяких слов запрещавшим девушке раскрывать рот. Убедившись, что жалкий оборванец ее понял, Дора мгновенно сменила угрожающую гримасу на льстивую улыбочку, повернулась к Кейну и погладила его по плечу затянутой в красноватое кружево рукой.

– Бэрн, я же еще не рассказала тебе ужасно забавную историю о Шугар Плам!⁷

– Шугар... кто?

– Неужели не помнишь? Мой милый маленький мопсик!

Кит поморщилась и откинулась на сиденье, наблюдая игру света и тени на усыпанной гравием аллее парка, по которой медленно катился фаэтон. Солнце пробивалось сквозь листву деревьев, создавая причудливые узоры на траве. Взгляд девушки упал на шляпку Доры. Кому взбредет в голову напялить такую идиотскую штуку, подумала Кит, но почему-то не могла отвести от нее глаз.

Мимо проехали две дамы в черном ландо, и Кит заметила, как жадно они смотрели на Кейна. Да, женщины, видно, готовы сами бросаться ему на шею. Нужно признать, что он ловко управляет лошадьми, хотя вряд ли это имеет какое-то значение для противоположного пола. Их куда больше интересует внешность мужчины.

Если судить объективно, он и в самом деле пригожий сукин сын. Волосы точно такого же цвета, как колосья пшеницы перед жатвой, и слегка выются на затылке. Пока он говорил с Дорой, Кит рассмотрела его профиль и решила, что в нем есть что-то языческое, как у викинга, изображение которого как-то попало ей в журнале: гладкий высокий лоб, прямой нос и квадратный подбородок.

– ... и тогда Шугар Плам отталкивает клубничную карамельку носиком, а вместо нее выбирает лимонную, представляешь? Ну разве не прелесть?

Мопсы и клубничные карамельки. Да эта баба – просто дура чертова!

Кит громко вздохнула. Кейн немедленно обернулся:

– Что-то не так?

– Просто мопсы не слишком-то мне по душе, – пробормотала бедняжка, изо всех сил стараясь быть вежливой.

Губы Кейна чуть шевельнулись:

– Можно узнать почему?

– Хотите правду?

– Ну разумеется, – заверил майор.

⁷ Буквально: леденец.

Кит с отвращением уставилась в спину Доре.

– Мопсы – неженки и ничтожества. Им далеко до настоящих собак.

Кейн хмыкнул.

– Как можно терпеть наглость этого мальчишки? – прошипела Дора. Но Кейн, не обращая на нее внимания, продолжал допытываться:

– Предпочитаешь дворняг, Кит? Я заметил, что ты много времени проводишь с Мерлином.

– Вернее, Мерлин со мной. И плевать мне, что там твердит Магнус! Этот пес так же никчем, как корсет в борделе!

– Бэрон!

Кейн издал каркающий полузадушенный хрип, прежде чем пришел в себя настолько, чтобы напомнить:

– Поосторожнее! Не стоит забывать, что здесь находится леди.

– Да, сэр, – буркнула Кит, так и не поняв, при чем тут леди.

– Мальчик не знает своего места! – рявкнула Дора. – Я бы уволила всякого слугу, у которого хватает дерзости столь возмутительно вести себя!

– Значит, ему повезло, что он работает на меня.

Кейн не повысил голоса, но намек был столь очевидным, что Дора вспыхнула.

Впереди показалось озеро, и Кейн натянул поводья.

– Мой помощник конюха не обычный слуга, – продолжал он, будто ничего не произошло. – Он последователь самого Ралфа Уолдо Эмерсона.

Кит отвела взгляд от семейства лебедей, скользивших между каноэ, решив проверить, не смеется ли он над ней, но Кейн казался совершенно серьезным. Мало того, он положил руку на спинку сиденья и обернулся к ней.

– Интересно, Кит, мистер Эмерсон – единственный автор, которого ты читал?

Негодующее фырканье Доры лишь подогрело воинственность Кит.

– Да я прочел почти все, до чего смог добраться. Бен Франклин, разумеется, но его всякий знает. Генри Дейвид Торо, Джонатан Свифт, Эдгар Аллан По. Я не слишком большой любитель поэзии, но что касается всего остального, аппетит у меня прямо-таки волчий.

– Понятно. Может, тебе просто не попадались хорошие поэты? Уолт Уитмен, например.

– Никогда о нем не слышал.

– Живет в Нью-Йорке. Во время войны работал санитаром.

– Вряд ли я сумею переварить поэзию янки.

Кейн весело блеснул глазами.

– Ах, Кит, ты меня разочаровал! Неужели такой интеллигент позволит предрассудкам испортить впечатление от настоящей литературы?

Он явно смеялся над ней, и Кит немедленно приняла вызов и бросилась в бой.

– Удивительно, как вы еще помните имена поэтов, майор. Лично мне вы не кажетесь большим поклонником литературы. Но должно быть, все великаны так выглядят. Бог дает им сильные мускулы и забывает о мозгах.

– Какое нахальство! – Дора бросила на Кейна многозначительный взгляд из разряда «я-же-тебе-говорила».

Однако Кейн, не обращая на нее внимания, продолжал изучать озорную рожицу. Ничего не скажешь, парнишке храбрости не занимать. На вид ему не больше тринадцати – столько же лет было самому Кейну, когда он сбежал из дома. Но он уже тогда был почти такого же роста, как сейчас, а этот – настоящий мышонок, не выше пяти футов. И потом... черты чумазой физиономии необычайно тонки: маленький, чуть курносый нос, невероятно густые ресницы, опушившие темно-фиалковые глаза. Любая женщина отдала бы все за

такой необычный цвет, но на лице мальчишки они кажутся неуместными, не говоря уже о том, что будет, когда Кит вырастет.

Парень не дрогнул под его пристальным взглядом, и Кейн невольно проникся к нему уважением. Своей отвагой Кит наверняка обязан врожденному изяществу черт. Любому мальчишке, смахивающему на девчонку, приходится кулаками защищать себя.

Все же он слишком молод, чтобы вести самостоятельное существование, и Кейн понимал, что лучше всего было бы отправить мальчика в приют. Но в глубине души он знал, что не сделает этого. Что-то в Ките напоминало Кейну его самого в таком же возрасте. Он тоже был настырным и упрямым и шел по жизни, ежеминутно подначивая каждого встречного бросить ему вызов. Отправить парня в приют – все равно что обрезать крылья птице. Кроме того, он в самом деле разбирается в лошадях.

Желание Доры остаться наедине с любовником наконец перевесило нелюбовь к пешим прогулкам, и она попросила Бэрона проводить ее к озеру и уж там с утомительной предсказуемостью разыграла сцену, которой тот так надеялся избежать. Что ж, сам виноват. Позволил похоти взять верх над здравым смыслом.

Но все когда-нибудь кончается. Облегченно вздохнув, он повел ее обратно к коляске, где Кит уже успел вступить в оживленный разговор с женщиной, сдававшим напрокат каноэ, и двумя ярко окрашенными ночными бабочками, решившими немного освежиться перед многотрудной работой. Ничего не скажешь, язык у малыша здорово подвешен!

Вечером, после ужина, Кит растянулась на своем любимом месте перед дверью конюшни, положив руку на теплую спину Мерлина, и вдруг вспомнила странную фразу Магнуса, которую тот произнес, когда она восхитилась Аполлоном:

- Долго он у майора не задержится.
- Но почему? – удивилась она. – Такой красавец!
- Это точно. Но майор не позволяет себе привязываться к тому, что любит.
- И что это значит?
- Он отдает лошадей и книги прежде, чем поймет, что не сможет без них обойтись.

Таков уж он.

Представить невозможно! В конце концов, есть вещи, ради которых стоит жить. Но может, майор не слишком ценит жизнь?

Кит почесала грязную голову, и перед глазами вдруг всплыла розовая с белым шляпка Доры Ван Несс. Вздор и глупости! Подумаешь, всего-навсего несколько кусочков кружева и шелковые ленты! Почему же она не может выбросить из головы это восхитительное создание модистки? Мало того, пытается представить, как бы выглядела в нем сама!

Нет, с ней явно что-то неладно!

Девушка стащила с головы потрепанную шляпу и швырнула на землю. Мерлин проснулся и с удивлением глянул на нее.

– Брось, Мерлин, не обращай внимания. От всех этих янки у меня мозги расплавились. Можно подумать, у меня других дел нет, кроме как думать о всякой чепухе!

Мерлин продолжал смотреть на нее влажными карими глазами. Как ни стыдно в этом признаваться, но Кит будет недоставать пса, когда она вернется домой. Зато ее ждет «Райзен глори». Какой-нибудь годик – и старая плантация вновь оживет.

Решив, что ему все равно не разгадать поступки таинственных верховных существ, именуемых людьми, Мерлин снова положил голову на бедро Кит, и та лениво погладила длинное шелковистое ухо. О, как она ненавидит этот город! До чего ее тошнит от янки и непрерывного стука колес по мостовой даже по ночам! Как же осточертела старая фетровая шляпа!

Но больше всего Кит воротит от людей, считающих ее мальчиком.

Какая жестокая ирония! Всю свою жизнь она избегала малейшего намека на женственность, а теперь, когда добилась своего, слышать не может идиотского обращения «эй, парень!». Может, она наконец стала взрослой?

Девушка рассеянно дернула себя за вихор. Каждый раз, когда ублюдок-янки называл ее мальчишкой, в животе словно сжимался тугий ком, а к горлу подкатывала желчь. Он так спесив! Так уверен в себе! Она видела полные слез глаза Доры, когда парочка подошла к коляске. Эта женщина, разумеется, глупа как пробка, но Кит вдруг ощутила к ней нечто вроде сочувствия. Они обе страдали из-за него, пусть и по разным причинам.

Кит запустила пальцы в густую шерсть Мерлина, снова и снова обдумывая свой план. Может, он не слишком надежен, но пока что все идет как надо. И она полна решимости разделаться с дьяволом-янки. На беду, у нее всего один шанс, который она должна использовать до конца.

Наутро Кейн швырнул ей экземпляр «Листьев травы»⁸.

– Это тебе на память.

⁸ Сборник стихов Уолта Уитмена.

Глава 2

Не успел Кейн открыть массивную дверь красного дерева, как владелец адвокатской конторы Гамильтон Вудуард учтиво поднялся, не скрывая своего любопытства. Так это и есть герой Мишинери-Ридж, он же игрок, опустошавший карманы самых богатых нью-йоркских финансистов! Красив и одет безупречно – хотя бы это говорит в его пользу. Жилет в тонкую полоску и темно-бордовый галстук не бросаются в глаза, хотя явно стоят немало, а жемчужно-серый сюртук прекрасно сшит. И все же этого человека трудно было назвать уважаемым. Дело не только в репутации, хотя она порядком подпорчена. Главное – как он держится, как смотрит, как ходит... словно эта комната принадлежит ему!

Отбросив неприятные мысли, поверенный обошел стол и протянул руку.

– Как поживаете, мистер Кейн? Я – Гамильтон Вудуард.

– Рад знакомству, мистер Вудуард.

Пожимая адвокату руку, Кейн, в свою очередь, мысленно его оценивал. Дородный мужчина средних лет. Неглуп. Компетентен. Тщеславен. Возможно, никудышный игрок в покер.

Вудуард показал на кожаное кресло напротив стола.

– Прошу прощения, что попросил о встрече в последнюю минуту, но наше свидание и так слишком долго откладывалось, хотя, должен добавить, не по моей вине. Я узнал обо всем только вчера и заверяю вас: никто из лиц, служащих в нашей конторе, не допустил бы такой оплошности в столь важном вопросе, касающемся человека, перед которым мы и без того в большом долгу. Ваша отвага во время...

– В письме говорится только, что вы хотели видеть меня по неотложному делу, – бесцеремонно перебил Кейн. Он ненавидел, когда люди принимались превозносить его боевые заслуги. Что такого особенного он сделал? Просто выполнял воинский долг.

Вудуард старательно заправил за уши металлические дужки очков.

– Вы – сын Розмари Симпсон Кейн... во втором замужестве Розмари Уэстон?

Одним из неоченимых свойств Кейна как удачливого игрока в покер было умение скрывать владевшие им чувства, но в этот момент он едва сумел сдержать горечь и злобу.

– Не знал, что она выходила замуж, – процедил он, – но да, так зовут мою мать.

– Хотите сказать – звали, – поправил поверенный, заглянув в лежавшую перед ним бумагу.

– Значит, она мертва? – равнодушно спросил Кейн. Он и в самом деле ничего не ощутил.

Толстые щеки Вудуарда затряслись от огорчения.

– Извините, я предполагал, что вы уже знаете. Она скончалась почти четыре месяца назад. Простите, что опечалил вас известием.

– Не трудитесь извиняться. Я не видел мать с тех пор, как мне исполнилось десять. Ее смерть ничего для меня не значит.

Вудуард принялся деловито листать документы, чтобы скрыть смущение. Очевидно, он и в самом деле не знал, как отнестись к человеку, который явно не собирается скорбеть о матери.

– У меня... гм... тут письмо от чарлстонского адвоката У.Д. Риттера, представляющего интересы вашей матушки, – объявил поверенный, неловко откашлявшись. – Мистер Риттер просил меня связаться с вами и сообщить об условиях завещания миссис Уэстон.

– Меня это не интересует.

– Я на вашем месте не стал бы утверждать это с такой уверенностью. Десять лет назад ваша мать вышла замуж за человека по имени Гаррет Уэстон. Уэстон владел плантацией «Райзен глори», находящейся недалеко от Чарлстона. Когда его убили при Шило, выясни-

лось, что плантация перешла к вашей матери. Четыре месяца назад она умерла от инфлюэнцы, завещав «Райзен глори» вам.

На этот раз Кейну удалось не выказать удивления.

– Я не видел мать шестнадцать лет. Почему вдруг такое великодушие?

– Мистер Риттер переслал мне письмо, которое она написала перед самой смертью. Может, в нем она объясняет свои мотивы.

Вудуард вынул запечатанный конверт и протянул Кейну. Тот, не глядя, сунул письмо в карман.

– Что вы знаете о плантации?

– Когда-то она процветала, но война, как вам известно, нанесла Югу тяжелый урон. Думаю, что труд и терпение помогут восстановить хозяйство. К сожалению, в завещании ничего не сказано о деньгах. Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Речь идет о дочери Уэстона, Катарине Луизе.

Последнее известие так потрясло Кейна, что он ошеломленно уставился на адвоката.

– Хотите сказать, что у меня есть единоутробная сестра?

– Сводная, сэр. Ее мать умерла родами. Однако вам придется позаботиться о девушке.

– Не пойму, какое мне до нее дело.

– Бабка оставила ей довольно много денег, догадавшись положить их в банк одного из северных штатов. Пятнадцать тысяч долларов в трастовом фонде, которые она может получить по достижении двадцати трех лет или если выйдет замуж – в зависимости от того, что случится раньше. Вы назначаетесь распорядителем фонда и опекуном девушки.

– Опекуном? – взревел Кейн, вскакивая с кресла.

Вудуард боязливо поежился.

– Но у вашей матери просто не было выхода. Девушке едва исполнилось восемнадцать, и при таком большом наследстве у нее нет ни единого родственника.

Кейн налег грудью на сверкающую столешницу красного дерева и угрожающе прошипел:

– Я не собираюсь брать на себя ответственность за восемнадцатилетнюю девчонку или разоренную хлопковую плантацию!

– Дело ваше, – почти взвизгнул поверенный, – хотя признаю, что назначить опекуном молодой девушки человека столь... светского по меньшей мере необычно. Все же решение остается за вами. Когда отправитесь в Чарлстон взглянуть на плантацию, можете поговорить с мистером Риттером и сообщить о вашем решении.

– Никакого решения, – резко бросил Кейн. – Я не напрашивался на это наследство и не желаю ничего о нем слышать. Передайте мистеру Риттеру: пусть поищет другого простофилю.

Кейн вернулся домой в самом мрачном настроении, которое отнюдь не улучшило отсутствие Кита, не потрудившегося выйти и увести лошадей.

– Кит! Где ты шляешься? Какого черта...

Ему пришлось повысить голос, прежде чем мальчишка пулей выскочил из конюшни.

– Дьявол! Если хочешь работать на меня, должен по крайней мере появляться вовремя и когда требуется! Попробуй только еще раз заставить меня ждать!

– И вам доброго денечка, – проворчала Кит.

Проигнорировав дерзость, майор прыгнул на землю и устремился к дому. Едва за ним закрылась дверь библиотеки, как он налил себе виски, осушил стакан одним глотком и, вынув из кармана письмо, сломал печать красного воска. В конверте оказался единственный листок бумаги, исписанный мелким, почти неразборчивым почерком.

6 марта 1865 года

Дорогой Бэрон!

Могу представить, как ты будешь удивлен, получив от меня письмо после стольких лет, тем более что писавшей его уже не будет в живых. Мрачная мысль, не правда ли? Я так и не смирилась со своей участью, однако жар не спадает и я боюсь худшего. Пока у меня остались силы, я решила заняться теми немногими обязанностями, которые еще лежат на мне.

Не ожидай раскаяния и просьб о прощении. Жизнь с твоим отцом была невыносимо скучна. Кроме того, я не гожусь на роль матери, а ты уродился крайне назойливым и неуправляемым ребенком. Все это было так утомительно! Несмотря на это, должна признать, что с интересом просматривала газеты, в которых сообщалось о твоих военных подвигах, и с радостью узнала, что тебя считают красивым мужчиной.

Однако все это лишь предисловие и не относится к сути дела. Я была очень привязана ко второму мужу, Гаррету Уэстону, который всячески стремился мне угодить, и пишу это письмо только ради него. Хотя я терпеть не могла Катарину, его вульгарную дочку, более похожую на мальчишкусорванца, чем на воспитанную молодую леди, все же понимаю, что кто-то должен присмотреть за ней до ее совершеннолетия. Поэтому и оставляю «Райзен глори» тебе в надежде, что ты согласишься стать ее опекуном. Возможно, ты откажешься. Хотя плантация когда-то была лучшей в округе, война причинила нам немало бед.

Каково бы ни было твое решение, свой долг я исполнила.

Твоя мать Розмари Уэстон.

И все. Единственная весточка за шестнадцать лет.

Кит услышала, как часы методистской церкви пробили два. Мерные звуки далеко разносились в тяжелом, неподвижном воздухе. Девушка сползла с кровати и, встав на колени у открытого окна, всмотрелась в темный дом. Бэрон Кейн не доживет до утра.

Стояла невыносимая духота, предвестница бури, и хотя в комнате было довольно тепло, девушка вздрогнула. Она ненавидела грозы, особенно ночные. Может, если бы ей было к кому побежать за лаской и утешением, страхи давно бы прошли. Но она не могла забыть, как ребенком жалась в углу хижины, одинокая и перепуганная, в полной уверенности, что земля вот-вот разверзнется и поглотит ее.

Кейн пришел домой всего с полчаса назад. Миссис Симмонс, горничные и Магнус не ночевали дома, так что, кроме него, там никого нет и, как только он заснет, у Кит будут развязаны руки.

Отдаленный раскат грома ударил по натянутым нервам. Девушка попыталась убедить себя, что погода облегчит ей работу: скроет шум, который она наверняка наделает, когда будет лезть в окно кладовой, предусмотрительно оставленное незапертым. Но эта мысль почему-то ее не утешила: наоборот, она представила, как всего через час будет мчаться по мрачным улицам сквозь ливень и бушующую стихию.

И земля разверзнется и поглотит ее.

Молния расколола небо, и Кит невольно подскочила. Нет, нужно как-то отвлечься. Сосредоточиться на своем плане.

Чтобы не потерять храбрости, она вычистила и смазала отцовский револьвер и перечитала эссе мистера Эмерсона «Вера в себя». Потом уложила пожитки в узел и спрятала в каретном сарае, чтобы схватить на ходу.

Убив Кейна, она проберется в доки неподалеку от Кортландт-стрит, где сядет на первый паром до Джерси. Там отыщет вокзал и начнет долгое путешествие в Чарлстон с сознанием того, что непрерывный кошмар, начавшийся с приездом чарлстонского адвоката, наконец рассеялся. Со смертью Кейна завещание Розмари потеряет силу и плантация перейдет к Кит. Все, что требуется для этого, – найти его спальню, хорошенько прицелиться и спустить курок.

Ее снова передернуло. Она никогда еще не целилась в человека. Бэрон Кейн будет первым.

К этому времени он, должно быть, спит. Пора!

Девушка взяла заряженный револьвер и на цыпочках спустилась вниз, стараясь не потревожить Мерлина. Удар грома заставил ее прижаться к двери. Кит напонила себе, что она уже не ребенок, но все-таки пулей метнулась через двор к дому и спряталась в кустах, чтобы потом влезть в окно кладовой.

Сунув револьвер за пояс штанов, девушка попыталась распахнуть раму, но она не поддавалась. Кит снова толкнула, на этот раз сильнее, но безуспешно. Окно закрыто!

Кит бессильно прислонилась к стене. Да, она знала, что ее план ненадежен, но не до такой же степени, чтобы провалиться на первом же этапе! Миссис Симмонс, должно быть, увидела незапертое окно и перед уходом опустила защелку.

На щеку упала первая капля. Кит смертельно хотелось ударить к себе и забраться под одеяло, пока не пройдет гроза, но она набралась мужества и обошла дом в поисках другого входа. Дождь полил с такой силой, что рубашка мгновенно промокла. Ветви клена трепетали на ветру под открытым окном второго этажа.

Сердце девушки затрепыхалось, как у пойманной птички. Буря выла и редела, и от страха воздух вырывался из груди Кит короткими паническими толчками. Но она заставила себя схватиться за нижнюю ветку и подтянуться. Очередной слепящий зигзаг ударил в землю. Девушка вцепилась в ветку, проклиная себя за трусость. Стиснув зубы, она заставляла себя взбираться все выше, пока не оказалась рядом с веткой, глядевшей прямо в окно.

Гром прогремел так оглушительно, что Кит жалобно вскрикнула. Запахло серой.

«Только не поглоти меня!»

Собрав остатки воли, она проползла к самому краю ветки, согнувшейся под ее весом.

Небо снова осветила молния, и только сейчас девушка заметила, что между веткой и окном остается довольно большое пространство. Отчаяние охватило ее. Она моргнула, вытерла нос рукавом и стала спускаться.

Едва она оказалась у подножия дерева, как молния ударила с такой силой, что в ушах зазвенело. Трепеща, она вжалась спиной в ствол. Одежда липла к коже, а поля шляпы обвисли уродливым блином. Слезы, которым она отказывалась дать волю, жгли веки. Неужели этим все и кончится? «Райзен глори» отнимут, потому что она оказалась слишком слаба, слишком малодушна, слишком изнеженна, чтобы пробраться в дом?!

Что-то задело за ногу, и Кит подпрыгнула. На нее смотрел Мерлин, вопросительно склонив голову набок. Она опустилась на колени и спрятала лицо в мокрой, пахнущей псиной шерсти.

– Ах ты, никчемная тварь... – Дрожащими руками она притянула к себе животное. – Я такая же никудышная, как ты...

Он лизнул ей щеку шершавым языком. Снова вспыхнула молния, и пес жалобно взвыл. Кит вскочила. Страх подогрел ее решимость. «Райзен глори» принадлежит ей! Если она не сумеет проникнуть в дом через окно, значит, войдет в дверь!

Почти обезумев от ужаса и отчаяния, сквозь дождь и ветер девушка бросилась к черному ходу. Горечь разочарования мешала ей прислушаться к тоненькому внутреннему голосу, твердившему, что время еще есть, что стоит подождать и попытаться в другой день...

Она ударила в дверь плечом и, когда замок не поддался, пустила в ход кулаки. Слезы ярости, боли, крушения надежд душили ее.

– Впусти меня! Немедленнопусти, сукин ты сын!

Никакого отклика. Она продолжала стучать, лягая дверь ногой и осыпая хозяина проклятиями.

Изломанная стрела молнии ударила в тот клен, на который она недавно взбиралась. Кит истошно вскрикнула, бросилась на дверь и... провалилась внутрь.

Прямо в объятия Бэрона Кейна.

– Какого дьявола...

Жар, исходивший от его голой, нагретой теплым одеялом груди, проникал через холодную мокрую ткань рубахи, и ей вдруг захотелось, чтобы этот миг длился вечно. Вот так стоять и прижиматься к нему, пока озноб не уймется.

– Кит, что случилось? – удивился он, хватая ее за плечи. – Что-то неладно?

Девушка отпрянула, но, к несчастью, не заметила улегшегося за ней Мерлина и, перелетев через него, растянулась на полу кухни. Кейн с интересом разглядывал бесформенную фигуру у своих ног. Рот его смешливо дернулся.

– Похоже, гроза худо на тебя действует.

Кит попыталась послать его ко всем чертям, но зубы стучали так сильно, что говорить она не могла. Кроме всего прочего, она приземлилась прямо на спрятанный в кармане револьвер, и резкая боль пронзила бедро.

Кейн переступил через них, чтобы захлопнуть дверь. Мерлин выбрал именно этот момент, чтобы отряхнуться.

– Неблагодарная дворняга, – проворчал Кейн, хватая полотенце с крючка и принимаясь вытираться. Кит сообразила, что, если она встанет, майор ясно увидит очертания револьвера сквозь влажную ткань, и, едва Кейн отвернулся, спрятала оружие за корзиной с яблоками, стоявшей у черного хода.

– Не знаю, кто из вас больше трусит, – хмыкнул Кейн, наблюдая, как Мерлин несется по коридору, ведущему в комнату Магнуса.

– Я уж точно не боюсь какого-то проклятого дождичка! – огрызнулась Кит. Но тут, на беду, в небе снова громыхнуло, и девушка, смертельно побледнев, вскочила с пола.

– Да неужели я ошибся? – издевательски протянул Кейн.

– Только потому, что я...

Она осеклась и судорожно сглотнула, случайно задержав на Кейне взгляд. Из одежды на нем были лишь брюки, да и то в спешке плохо застегнутые. В свое время она повидала немало полуодетых мужчин, работавших на полях или лесопилке, но разве они могли с ним сравниться?!

Широкая мускулистая грудь, слегка поросшая светлыми волосами. Плечо рассекает бугристый шрам, еще один тянется от расстегнутого пояса брюк через плоский живот, разделенный надвое тонкой линией рыжеватых завитков. Ее взгляд скользнул ниже, к тому месту, где сходились брючины, и увиденное потрясло ее.

– Вытрись!

Кит подняла голову и встретилась с ним глазами. Недоуменно подняв брови, он протягивал ей полотенце. Кит выхватила полотенце и принялась старательно промокать щеки.

– Будет куда проще, если снимешь шляпу, – посоветовал он.

– А если я не хочу? – фыркнула девушка. – Мне моя шляпа нравится!

Что-то неразборчиво прорычав, Кейн исчез в коридоре, чтобы появиться уже с одеялом.

– Скидывай свои лохмотья.

Кит посмотрела сначала на одеяло, потом на него.

– Не дожدهшься!

Кейн нахмурился:

– Но ты замерз!

– Вовсе нет!

– Отсюда слышно, как зубы стучат!

– Вранье!

– Черт возьми, парень, сейчас три часа ночи! Я проигрался в покер и устал как последняя собака! Раздевайся побыстрее и дай мне поспать. Сегодня можешь лечь в комнате Магнуса, и чтобы я больше от тебя ни звука не слышал до самого рассвета!

– Ты что, янки, оглох? Я сказал, что не стану раздеваться!

Кейн, не привыкший к возражениям, так полоснул ее взглядом, что она поняла: пора действовать. Едва он шагнул к ней, она рванулась к корзине с яблоками, где спрятала револьвер, но он успел схватить ее за руку.

– Ну нет, от меня не уйдешь!

– Отпусти меня, сукин сын!

Она попыталась вырваться, но Кейн не ослабил хватку.

– Я приказал тебе избавиться от твоих обносков, и ты сделаешь как велено, чтобы я смог наконец выспаться! Или мне так и не дадут покоя?!

– Пропади ты пропадом, янки! – прошипела она, замахнувшись на него, но кулак лишь беспомощно скользнул по плечу.

– Прекрати! – зарычал он, как следует тряхнув ее.

– Пошел в задницу! – яростно выпалила она.

В этот же миг ее ноги оторвались от пола, шляпа слетела и куда-то покатилась. С новым ударом грома Кейн плюхнулся на кухонную табуретку и перекинул ее через колено.

– Думаю, что окажу тебе большую услугу.

Его ладонь с треском опустилась на ее попку.

– Ой!

– Я собираюсь преподать тебе урок, который ты не удосужился получить от своего папаши.

Он снова шлепнул ее, и девушка вскрикнула – скорее от негодования, чем от боли.

– Отстань от меня, поганый ублюдок!

– Никогда не обзывай людей, которые больше тебя... – На этот раз удар был гораздо крепче. – ...или сильнее тебя...

Ягодицы Кит горели, как обожженные.

– И самое главное... – продолжал Кейн, глядя, как слезы обиды выступают на глазах у Кит, – никогда не смей орать на меня! – С этими словами он грубо столкнул ее с колен. – Ну как, мы поняли друг друга?

Кит ударилась об пол и со свистом втянула в себя воздух. Бешенство и боль застлали глаза красной пеленой, туманили голову, и она не успела увидеть, как Кейн потянулся к ней.

– Я все-таки вытряхну тебя из одежды.

Крепкие пальцы вцепились в ее рубашку, и девушка с воплем ярости вскочила на ноги. Старая выношенная ткань угрожающе затрещала и порвалась.

С этого момента события стали сменять друг друга с невероятной быстротой. Прохладный воздух коснулся ее кожи. Она услышала легкую дробь рассыпавшихся по деревянным половицам пуговиц, опустила глаза и увидела свои обнаженные грудки.

– Какого...

Она не знала, куда деваться от стыда. Кейн опустил руки и медленно отступил. Кит безуспешно пыталась стянуть края порванной рубашки.

Глаза цвета замерзшего олова впились в нее.

– Вот как. Мой помощник конюха, оказывается, вовсе не мальчик?

Кит низко опустила голову, пытаясь за злостью скрыть унижение.

– Какая тебе разница? Мне была нужна работа.

– И ты ее получила, выдавая себя за мальчишку.

– По-моему, я никогда ничего подобного не говорила. Ты сам принял меня за мальчишку – кто же теперь виноват?

– Да, но ты почему-то не призналась в обратном, – справедливо заметил Кейн, швырнув ей одеяло. – Обсохни, пока я налью себе выпить. – Он шагнул к двери, но тут же обернулся. – По возвращении надеюсь услышать правдивые ответы. И даже не думай сбежать, потому что это станет твоей величайшей ошибкой.

Как только за ним закрылась дверь, Кит отбросила одеяло и ринулась к корзине. Выхватив револьвер, она уселась за стол и положила оружие на колени. Только после этого она завязала полы рубашки огромным неуклюжим узлом на талии.

Кейн вошел на кухню как раз в ту минуту, когда она поняла всю тщетность своих усилий. Он разорвал и нижнюю рубашку, и дыра тянулась до самого пояса.

Кейн глотнул виски и пристально уставился на девушку. Она сидела за столом, сложив руки на коленях. Под мягкой тканью ясно вырисовывались маленькие холмики. Как он мог хотя бы на миг поверить, что перед ним мальчик? Эти тонкие косточки должны были сразу же выдать ее, не говоря уже о ресницах, таких густых, что ими впору пол подметать!

Это грязь сбила его с толку. Грязь и цветистые ругательства, не говоря уже о дерзости и неуживчивости.

Интересно, сколько ей лет? Четырнадцать или меньше? Он знал о женщинах почти все, о девочках – почти ничего. Когда у них появляются груди?

Одно понятно: она слишком молода, чтобы вести бродячую жизнь.

Он раздраженно отставил стакан.

– Где твой дом? Родители?

– Мертвы. Я уже говорила.

– И никаких родственников?

– Ни одного.

Такая неестественная сдержанность явно его раздражала.

– Послушай, ребенок твоего возраста не может в одиночку слоняться по Нью-Йорку. Это небезопасно.

– Единственный, кто постоянно меня донимает с самого моего появления, – это вы.

В ее словах была некая правота, но сейчас ему было не до того.

– Не важно. Завтра я отвезу тебя к людям, которые присмотрят за тобой, пока не станешь старше. И найдут, где тебе жить.

– Насколько я поняла, вы толкуете о приюте, майор?

Похоже, она посмеивается над ним. Кейн еще больше обозлился.

– Совершенно верно, именно о приюте. Будь я проклят, если позволю тебе здесь остаться! Побудешь в таком месте, где тебя научат заботиться о себе.

– Не припомню, чтобы меня это когда-либо затрудняло. Кроме того, вряд ли меня можно считать ребенком. Сомневаюсь, что в подобные заведения принимают восемнадцатилетних девушек.

– Восемнадцатилетних?!

– У вас не все в порядке со слухом?

Она снова ухитрилась ошарашить его.

Кейн вытаращился на сидящего перед ним сорванца: донельзя истрепанная мальчишечья одежда, серые от грязи лицо и шея, короткие черные, слипшиеся от грязи волосы. Он всегда считал, что в восемнадцать лет девушки уже становятся взрослыми, носят платья и регулярно принимают ванну. Но это чудело так же сложно принять за девушку, как его самого!

– Простите, что испортила ваши блестящие планы относительно приюта, майор.

Она еще имеет наглость злорадствовать! Нет, неплохо, что он задал ей трепку!

– Послушай, Кит... или имя тоже фальшивое?

– Нет, настоящее. По крайней мере почти все так меня зовут.

Ее веселость вдруг испарилась, и он ощутил знакомое покалывание в позвоночнике, точно такое же, как всегда перед боем. Странно. Это ощущение ни с чем не спутаешь.

Девушка упрямо выдвинула вперед подбородок.

– А вот фамилия моя – не Финни, – добавила она. – Уэстон. Катарина Луиза Уэстон.

Это оказалось последним сюрпризом. Не успел Кейн опомниться, как она вскочила и в лицо ему уставился черный зрачок револьверного дула.

– Иисусе... – пробормотал он.

Не отрывая от него глаз, девушка обошла вокруг стола. Рука, державшая оружие, не дрожала. Наконец части головоломки сошлись, и все встало на свои места.

– Мне почему-то не кажется, что вы так уж осторожны в выборе оппонента, когда в голову приходит кого-то обругать, – заметила она.

Он шагнул к ней и немедленно пожалел о своей опрометчивости: пуля прожужжала рядом с головой, едва не задев висок.

Кит никогда не стреляла в помещении, и теперь в ушах звенело. Колени неприятно тряслись, так что пришлось сильнее сжать пальцы.

– Не двигайся, пока не разрешу, янки, – велела она с деланной бравадой. – В следующий раз лишишься уха.

– Может, объяснишь, в чем дело?

– По-моему, все вполне очевидно.

– Сделай одолжение!

До чего же ей ненавистны эти едва уловимые издевательские нотки в его голосе!

– Речь идет о «Райзен глори», ты, подлый сукин сын! Плантация моя! У тебя нет на нее прав.

– А закон говорит обратное.

– Плевать мне на закон, а заодно на все суды и завещания! По совести «Райзен глори» моя, и никакому янки ее не отнять!

– Будь это так, твой отец оставил бы плантацию тебе, а не Розмари.

– Эта женщина не только превратила его в глухого и слепого, но и отняла разум.

– Неужели?

Ее трясло под оценивающим холодным взглядом его глаз. Хотелось так же больно ранить его, как ранили когда-то ее.

– Говоря по правде, мне стоит поблагодарить ее, – прошипела Кит. – Не тащи она в постель каждого встречного, хоть южанина, хоть янки, дом и урожай наверняка бы сожгли. Всем известно, что ваша мать не скупилась на милости и охотно дарила благосклонность всякому, кто носит штаны.

– Она была потаскухой, – бесстрастно подтвердил Кейн.

– И это истинная правда, янки. Но хоть Розмари и лежит в могиле, я не позволю ей себя ограбить.

– И поэтому задумала прикончить меня, – скучающе протянул Бэрон, и ладони Кит мгновенно вспотели.

– Вернее, убрать с дороги. Тогда «Райзен глори» станет моей, как и должно было быть с самого начала.

– Что ж, по-своему ты права, – кивнул он. – Хорошо, я готов. И как собираешься действовать?

– Что?!

– Убивать меня. Каким именно образом? Хочешь, чтобы я повернулся спиной? Так тебе не придется смотреть мне в лицо, когда спустишь курок.

Кит, мигом забыв о тоскливо-тянущем чувстве, сгустившемся где-то в животе, побегрела от возмущения.

– Что за бред ты несешь? Думаешь, я смогу уважать себя, после того как выстрелю человеку в спину?

– Прости, это всего лишь предложение.

– И чертовски глупое. – Струйка пота скользнула у нее по шее за воротник.

– Я пытаюсь облегчить тебе задачу, вот и все.

– За меня не волнуйся, янки. Побеспокойся о своей бессмертной душе.

– Хорошо. Приступай.

Кит зажмурилась.

– Я так и собиралась.

Глубоко вздохнув, она подняла руку и прицелилась. Свинцовая тяжесть оттягивала ладонь с такой силой, словно вместо револьвера она держала пушку.

– Ты когда-нибудь стреляла в человека, Кит?

– Замолчи!

Колени подгибались, а рука вдруг стала ходить ходуном. Кейн же, наоборот, выглядел спокойным, даже расслабленным, словно только что встал с постели.

– Бей сюда, между глаз, – тихо посоветовал он.

– Заткнись!

– Так быстрее и надежнее. Правда, мозги разлетятся по всей кухне, но тебе это нипочем, верно, Кит?

К горлу подступила тошнота.

– Заткнись! Сейчас же заткнись!

– Ну же, давай, и покончим с этим.

– Заткнись!!!

Револьвер взорвался оглушительным грохотом. Раз, другой, третий... еще...

И щелканье пустой обоймы.

При первом же выстреле Кейн бросился на пол. Только когда все стихло, он поднял голову. На стене, возле которой он только что стоял, пять круглых дырок обрисовали силуэт человеческой головы. Он перевел взгляд на Кит. Плечи опущены, руки бессильно повисли, в пальцах болтается бесполезный револьвер.

Он осторожно встал, подошел к стене, принявшей предназначенный для него свинец, провел пальцем по идеальной дуге и медленно отступил.

– Ничего не скажешь, малыш. Ты чертовски хороший стрелок.

Для Кит окружающий мир погас. Она потеряла «Райзен глори», и за это некого винить, кроме себя самой.

– Трусиха, – прошептала она. – Проклятая, малодушная, жалкая девчонка!

Глава 3

Кейн заставил Кит лечь в маленькой спальне на втором этаже. Перед тем как закрыть за собой дверь, он тихо произнес несколько слов. Приказ его был короток и точен: пока он не решил, что с ней делать, Кит не смеет притрагиваться к лошадям. А если попытается сбежать, дорога в «Райзен глори» навсегда будет для нее закрыта.

Наутро она потихоньку пробралась в конюшню и забилась в угол с книгой «Сибарит. Жизнеописание Людовика XV», которую стащила из библиотеки несколько дней назад. На сердце было невыносимо тяжело. Что ее ждет?

Сама того не заметив, она заснула и видела во сне бури, шляпки и французского короля, скачущего вместе с любовницей, мадам де Помпадур, по хлопковому кружеву полей «Райзен глори».

Проснувшись, Кит почувствовала себя еще хуже. Голова была тяжелой, веки налились свинцом. С глубоким вздохом она уселась у стойла Аполлона, упершись локтями в колени, обтянутые засаленными штанами. Похоже, строя свои смелые планы, она не подумала о том, каково это – смотреть безоружному человеку в глаза, когда спускаешь курок.

Дверь распахнулась, впуская неяркий свет пасмурного дня. Мерлин, приветливо виляя хвостом, кинулся к Кит, едва не сбив с нее шляпу в порыве восторженного обожания. За ним, куда медленнее, следовал Магнус. Начищенные до блеска сапоги замерли у ног девушки. Но она упорно отказывалась поднять глаза.

– Сейчас мне не до разговоров, Магнус. Прости, нет настроения.

– И неудивительно. Майор рассказал, что стряслось прошлой ночью. Ну и фокус вы выкинули, мисс Кит!

Именно так к ней обращались дома, но в его устах это звучало оскорблением.

– То, что случилось прошлой ночью, касается исключительно меня и майора. По моему, это дело не твое.

– Терпеть не могу ошибаться в людях, так что отныне я постараюсь держаться от вас как можно дальше. Позвольте откланяться.

С этими словами он подхватил пустое ведро и удалился. Девушка отшвырнула книгу, схватила щетку и направилась к стойлу гнедой кобылки Саратоги. Пусть Кейн мелет что хочет! Если она не займется чем-нибудь, то просто с ума сойдет!

Она как раз чистила задние ноги кобылы, когда дверь с шумом распахнулась. Девушка вздрогнула от неожиданности и, обернувшись, натолкнулась на жесткий, как гранит, взгляд Кейна.

– Мои приказы достаточно ясны, Кит. Никакой работы в конюшне.

– Милостивый Господь дал мне две сильные руки, – ответила она. – Я не привыкла лениться.

– Уход за лошадьми – неподходящее занятие для молодой леди.

Кит злобно уставилась на него, безуспешно пытаясь понять, издевается он или говорит серьезно.

– Если есть работа, значит, кому-то нужно ее делать. Праздная жизнь не по мне.

– Держись подальше от конюшни, – сухо бросил он. Она не успела возразить: он оказался проворнее. – И никаких споров. Немедленно вымойся, приведи себя в порядок, и после ужина я жду тебя в библиотеке.

Кейн повернулся и направился к выходу. Она зачарованно смотрела, как он шагает легкой, уверенной походкой, слишком грациозной для такого крупного мужчины.

Этим вечером Кит первой появилась в библиотеке. Делая вид, что слушается Кейна, она кое-как оттерла нос и щеки, но чувствовала себя слишком уязвимой, чтобы отважиться на большее. Сейчас ей понадобятся все силы, а в облике девчонки она снова струсит.

В комнату вошел Кейн, одетый в обычный домашний костюм: песочного цвета брюки и белую рубашку с распахнутым воротом. Бросив взгляд на девушку, он недовольно нахмурился:

– По-моему, я велел тебе искупаться.

– Я вымыла лицо.

– Одним лицом тут не обойдешься. Как ты можешь терпеть такую грязь?

– Ванны не слишком мне по душе.

– Похоже, есть много вещей, которые тебе не по душе. Но прежде чем провести здесь хоть одну ночь, ты примешь ванну. Эдит Симмонс грозит уволиться, и будь я проклят, если из-за тебя потеряю прекрасную экономку. Кроме того, весь дом провонял...

– Неправда!

– Черта с два неправда! Я твой опекун, пусть и ненадолго, и с этой минуты ты во всем подчиняешься мне.

Кит застыла.

– О чем это ты, янки?! Какой еще опекун?

– А я думал, что ты во все успела сунуть нос!

– Говори!

Ей показалось, что в его глазах промелькнуло сочувствие, мгновенно исчезнувшее, как только он стал объяснять условия завещания и свои обязанности как опекуна и распорядителя ее трастового фонда.

Кит почти не помнила бабушку, оставившую ей деньги. Трастовый фонд был постоянным источником недовольства и зависти Розмари, и она без конца заставляла мужа консультироваться с адвокатами в надежде получить деньги. Но у бабушки был слишком хороший поверенный: как законники ни бились, ничего не смогли сделать. Хотя Кит понимала, что должна быть благодарна бабке, все же пока от богатства не было никакого толку. Оно требовалось сейчас, немедленно, а не через пять лет или после замужества, которое никогда не состоится.

– Опекунство – последняя, предсмертная шуточка Розмари, – заключил Кейн.

– Чертов адвокат ни словом не обмолвился! И я тебе не верю.

– Я уже видел, на что ты способна в гневе. Интересно, ты дала ему хоть шанс договорить?

Девушка с упавшим сердцем припомнила, как выгнала поверенного из дома, едва тот успел сообщить о существовании Кейна, хотя служитель закона пытался объяснить, что еще не все сказал.

– Что ты имел в виду, говоря о временном опекунстве?

– Не воображаешь же ты, что я соглашусь взвалить на себя такое бремя, как ты, на целых пять лет? – Герой Мишинери-Ридж картинно вздрогнул. – Завтра с утра я еду в Южную Каролину. Нужно как-то исправлять положение. Миссис Симмонс приглядит за тобой до моего возвращения. Это всего три-четыре недели, не больше, пока я не найду выход.

Девушка сцепила руки за спиной, чтобы он не видел, как они трясутся.

– И как же вы намереваетесь исправлять положение?

– Найду тебе другого опекуна. Только и всего.

Кит вонзила ногти в ладони, боясь задать очередной вопрос, хотя понимала, что рано или поздно сделать это придется.

– А что будет с... «Райзен глори»?

Он принялся скучающе изучать носки сапог.

– Я собираюсь ее продать.

Что-то вроде рычания вырвалось из горла Кит.

– Не-е-ет!

Кейн поднял голову. Взгляды их скрестились.

– Мне очень жаль, Кит. Но так будет лучше.

Расслышав металлические нотки в его голосе, она вдруг остро ощутила, что последние хрупкие связи с привычным, знакомым миром рвутся навсегда. Она даже не заметила, когда Кейн вышел из комнаты.

Кейну следовало бы готовиться к игре по высоким ставкам в одном из закрытых ресторанов «Астор-хаус», но вместо этого он бесцельно смотрел в окно спальни. Даже назначенное на сегодня свидание со знаменитой оперной дивой не подняло настроения и, похоже, требовало немалых лишних усилий.

Сейчас из головы не выходил сорванец с глазами редкого оттенка. Когда он сказал, что собирается продать плантацию, она едва не свалилась без чувств.

Его размышления были прерваны звоном бьющегося стекла и воплем экономки. Выругавшись, он ринулся вниз.

Ванная выглядела так, словно по ней прошло войско гуннов: пол рядом с медной ванной усыпан осколками, повсюду разбросана одежда, коробка с тальком упала в раковину, и его тонкий слой покрывал черные ореховые панели. Только вода в ванне оставалась чистой и едва золотилась в свете газовых рожков.

Кит успешно удерживала миссис Симмонс на расстоянии, размахивая зеркалом, словно саблей. Другой рукой она держала полотенце, кое-как обернутое вокруг нагого тела, и хищно наступала на несчастную экономку, загоняя ее в угол.

– Не хватало еще, чтобы кто-то меня купал! Вон отсюда!

– Черт побери, что тут творится?

Миссис Симмонс подлетела к Кейну и, вцепившись в его плечи, истерически вскрикнула:

– Негодница пыталась меня убить! Швырнула мне в голову бутылку с жидким мылом и едва не попала! О Боже, я уже чувствую, как начинается приступ невралгии.

Застонав, она принялась обмахиваться ладошкой.

– Пойдите лягте, Эдит, – велел Кейн, пригвоздив Кит взглядом. – Я все сделаю.

Домоправительница была слишком расстроена, чтобы указать на вопиющее нарушение всех правил приличия, но все же оставила его наедине с голой питомицей, мрачно бормоча что-то насчет невралгии и наглых бесстыдниц.

Несмотря на вызывающе вскинутую голову, было заметно, что Кит боится. Он уже хотел было смягчиться, но рассудил, что спускать девчонке с рук очередную проделку никак нельзя. Этот мир – опасное место для женщин, и вдвойне опасное для наивных девчонок, играющих в закаленных жизнью мужчин. Кит придется усвоить, что иногда не вредно согнуться, чтобы не сломаться окончательно, и, похоже, он один может дать ей этот урок.

Он медленно отстегнул запонки и принялся закатывать рукава. Кит молча наблюдала за игрой мускулов на загорелых руках. Не отводя глаз, она поспешно отступила.

– Что это, интересно, вы делаете?

– Я велел тебе принять ванну.

Во рту у Кит мгновенно пересохло. Ресницы сами собой опустились. И без того нелегко видеть Бэроу Кейна, даже когда она надежно защищена коркой грязи и обносками. Но теперь, оставшись в одном полотенце, она чувствовала себя такой уязвимой, как никогда в жизни. Не спрячь он ее револьвер, она без колебаний снова спустила бы курок.

Кит облизнула губы.

– Стой!

Неумолимые глаза впились в нее.

– Я велел тебе принять ванну, и ты это сделаешь.

Девушка воздела над головой зеркало в черепаховой оправе.

– Не подходи! Учти, я намеренно промахнулась, когда кинула бутылкой в миссис Симмонс, но на этот раз не промажу!

– Тебе давно пора вырасти, – перебил он чересчур спокойным тоном. Сердце Кит тревожно сжалось.

– Я не шучу, янки. Ни шагу ближе!

– Тебе восемнадцать. Ты достаточно взрослая, чтобы вести себя как женщина, а не как уличный мальчишка. Одно дело – нападать на меня, и совсем другое – на человека, который ничего тебе не сделал.

– Она потихоньку раздела меня, когда я задумалась! А... а потом поволокла сюда.

Кит до сих пор не понимала, как миссис Симмонс удалось залучить ее в ванную. Наверное, она просто оцепенела, услышав о продаже «Райзен глори». Только когда пожилая дама принялась стягивать с нее одежду, Кит пришла в себя.

Он снова заговорил тем едва слышным голосом, которого Кит боялась куда сильнее его рева.

– Тебе следовало бы вспомнить о хороших манерах, но поскольку этого не случилось, я сам суну тебя в ванну.

Она швырнула зеркало об стену, чтобы отвлечь внимание Кейна, а сама метнулась к двери. Но не успела сделать и трех шагов, как он нагнал ее.

– Значит, не хочешь ничему учиться?

– Отпусти!

Не обращая внимания на стекло, хрустевшее под подошвами сапог, он подхватил ее и вместе с полотенцем бросил в ванну.

– Ты грязный, вонючий...

Прежде чем она успела договорить, он нажал на ее макушку, так, что голова ушла под воду. Девушка, отплеываясь, вырвалась и со злостью крикнула:

– Ты грязный...

Он снова толкнул ее под воду.

– Ты...

Кейн в очередной раз окунул ее с головой.

Кит не могла поверить, что такое происходит с ней! Он держал ее под водой недостаточно долго, чтобы утопить, но дело было не в этом. Унижение – вот что жгло сильнее всего! А если она не придержит язык, Кейн не уймется. Она ненавидяще уставилась на него, но все же решила промолчать.

– С тебя довольно? – мягко осведомился он. Девушка вытерла глаза и с достоинством объявила:

– Твое поведение по меньшей мере инфантильно!

Кейн расплылся было в улыбке, но тут же, забыв обо всем, зачарованно уставился куда-то вниз. Слишком поздно Кит сообразила, что потеряла полотенце, и поспешно притянула колени к подбородку, пытаясь закрыться.

– Проваливай, да поскорее! – приказала она, тщетно пытаясь выудить полотенце со дна. Вода плескалась через край ванны. Кейн попятился к двери, наблюдая, как Кит борется с намокшим полотенцем. Неловко откашлявшись, он осведомился:

– Сможешь... гм... сама помыться?

Кит почувствовала, как по ее щекам расползается багровый румянец. Смущенно кивнув, она потянулась к полотенцу.

– Сейчас принесу тебе свою рубашку. Но если после того, как выйдешь из ванны, я найду на тебе хоть песчинку, клянусь, мы все начнем сначала.

Он исчез, не позаботившись закрыть за собой дверь. Кит скрипнула зубами и представила, как стервятники клюют его глаза.

Она вымылась дважды, потревожив грязь, столь уютно расположившуюся во всех изгибах и впадинках ее тела, выполоскала волосы и наконец, удовлетворенная результатом и посчитав, что даже Матерь Божья не сможет ни к чему придраться, встала и потянулась за сухим полотенцем. И тут обнаружила, что ванна окружена битым стеклом, словно средневековый замок – рвом.

Ругаясь, она закуталась в мокрое полотенце и крикнула в открытую дверь:

– Эй, янки! Мне нужно, чтобы ты принес сухое полотенце, но попробуй только открыть глаза – и я зарежу тебя во сне, а потом освежую и съем на завтрак печень!

– Как приятно сознавать, что мыло и вода не испортили твоего нежного нрава, – объявил Кейн, появляясь в дверях с широко распахнутыми глазами. – А я уже начал было беспокоиться.

Он взял с полки полотенце, но вместо того, чтобы отдать ей, обвел взглядом разбитое стекло.

– «Всякий дар получать удовольствие превращается в наказание, если его оскорбить». Ралф Уолдо Эмерсон – на случай, если не узнала, откуда цитата.

Дождавшись, пока он отдаст полотенце, девушка ехидно откликнулась:

– Мистер Эмерсон также написал: «Всякий герой рано или поздно становится занудой». Не знай я, как все было на самом деле, подумала бы, что именно ты вдохновил его на эти слова.

Кейн хмыкнул, почему-то довольный тем, что характер девчонки не сломлен. Господи, до чего же она тощая: сплошные кости! А ноги длинные и тонкие, как у жеребенка. Даже темный пушок внизу живота, который он успел заметить, когда полотенце упало, был еще совсем детским.

Но, отворачиваясь, он вспомнил маленькие груди с коралловыми вершинками. Они выглядели не так уж невинно.

Он почему-то смутился и проворчал более сердито, чем намеревался:

– Ты уже вытерлась?

– Да, насколько это возможно в твоем присутствии.

– Прикройся. Я поворачиваюсь!

– Жаль, а я как раз подумала, до чего же хорошо хоть иногда не видеть твою уродливую рожу!

Взбешенный Кейн шагнул к ванне.

– Следовало бы заставить тебя босой идти по стеклу!

– Уж лучше терпеть боль, чем твое надоедливое общество!

– Черт бы тебя побрал! – прогремел Кейн и, выхватив ее из воды, унес в переднюю и почти отшвырнул от себя. – Я положил рубашку в твоей комнате. Завтра миссис Симмонс повезет тебя в магазин и купит приличную одежду.

Девушка с неприкрытым подозрением уставилась на него.

– И что ты считаешь «приличной одеждой»?

Зная, что последует за этим, Кейн приготовился к буре.

– Платья, Кит.

– Да ты спятил! – взвилась Кит.

У нее был такой свирепый вид, что он едва не улыбнулся. Но не такой он глупец, чтобы подливать масла в огонь! Пора натягивать поводья.

– Делай как велено. А пока меня не будет, слушайся миссис Симмонс. Если станешь пререкаться, Магнусу приказано запереть тебя в комнате и выкинуть ключ. Я не шучу, Кит. А когда вернусь, хочу услышать, что ты вела себя пристойно. Я намереваюсь передать тебя новому опекуну чистой и одетой, как подобает девушке из уважаемой семьи.

На лице Кит сменился целый калейдоскоп эмоций, от растерянности до гнева, пока верх не взяло нечто напоминающее отчаяние. Вода, стекая с кончиков волос, падала, словно слезы, на хрупкие плечи, а голос стал совсем тоненьким.

– Ты вправду собираешься это сделать?

– Найти для тебя другого опекуна? Разумеется. Ты должна быть счастлива, что больше не придется иметь дело со мной.

Она с такой силой сжала край полотенца, что костяшки пальцев побелели.

– Я не про это. Ты в самом деле продашь «Райзен глори»?

Ее страдание было почти физически ощутимым, и Кейн поморщился, как от удара, но устоял. Он вовсе не намеревался обременять себя разоренной плантацией, но разве она поймет?!

– Я не собираюсь оставлять деньги себе, Кит. Все пойдет в твой трастовый фонд.

– Плевать мне на деньги! Ты не можешь продать «Райзен глори»!

– Придется. Когда-нибудь тебе все станет ясно.

Глаза Кит потемнели, как штормовое море.

– Что же я наделала? Нужно было сразу разнести тебе голову – меньше осталось бы забот!

Вся ее маленькая, закутанная в полотенце фигурка выражала странное достоинство. Проществовав мимо, она громко хлопнула дверью спальни.

Глава 4

– Вы хотите сказать, что во всей проклятой округе нет человека, который согласился бы опекать мисс Уэстон? Даже если я оплачу все расходы? – взорвался Кейн, пристально глядя на преподобного Роулинса Эймса Когделла из Радерфорда, Южная Каролина.

Тот, в свою очередь, внимательно изучал гостя.

– Это вполне естественно, мистер Кейн. Все мы знали Катарину Луизу куда дольше, чем вы.

Роулинс Когделл молил Бога простить его за удовольствие, которое он испытывал от разговора с этим янки. Герой Мишинери-Ридж, фу-ты ну-ты! Подумаешь! До чего же противно принимать у себя в доме этого человека! Но что поделаешь? Время такое. Куда ни обернись, всюду синие мундиры, и даже служителю Божьему приходилось осторожничать, чтобы не оскорбить власти.

В дверях появилась жена священника Мэри с подносом, на котором красовались четыре крошечных сэндвича, намазанных прозрачным слоем клубничного варенья.

– Я не помешала?

– Нет-нет. Входи, дорогая. Мистер Кейн, моя супруга принесла вам редкостное угощение. Она славится своим клубничным вареньем.

Варенье доставалось со дна последней банки, которую Мэри запасла два года назад, когда еще был сахар, а хлеб отрезали от каравая, которого должно было хватить на всю неделю. Все же Роулинс был доволен, что она накормит гостя. Он лучше будет голодать, чем даст понять этому человеку, как они бедны.

– Я не буду, дорогая, не то перебью аппетит. Пожалуйста, мистер Кейн, берите два.

Кейн вопреки мнению преподобного Когделла был далеко не глуп и сразу сообразил, какую жертву приносят ему, предлагая это угощение на выщербленной фарфоровой тарелке с синим узором в китайском стиле. Он взял сэндвич, которого вовсе не хотел, и произнес все требуемые комплименты. Пропади они пропадом, эти южане! Шестьсот тысяч лежат в могилах из-за их надменной гордости.

Вероятно, это высокомерие – болезнь, присущая всем рабовладельцам. Плантаторы жили в своих владениях подобно всемогущим королям, обладавшим полной и безграничной властью над рабами. И сознание этого порождало спесь и чванливость. Они до сих пор считали себя властителями мира, и поражение ничуть не изменило их сознания. Семья южан могла перебиваться с хлеба на воду, но по-прежнему предлагала гостю, пусть и презираемому, чай с сэндвичами.

– Пожалуйста, садись, дорогая, – обратился к жене преподобный Когделл. – Возможно, ты сумеешь нам помочь. У мистера Кейна возникли некоторые трудности.

Мэри немедленно опустилась на стул и внимательно выслушала мужа, пространно объяснявшего, каким образом Розмари Уэстон связана с Кейном и как страстно желает последний передать кому-нибудь права опекуна над Кит. Когда преподобный наконец замолчал, женщина покачала головой:

– Боюсь, вы хотите невозможного, мистер Кейн. Немало здешних семей были бы счастливы принять Катарину Луизу, когда бедняжка была помладше. Теперь же слишком поздно. Господи Боже, да ведь ей уже восемнадцать!

– Вряд ли этот возраст можно назвать Мафусаиловым, – сухо заметил Кейн.

– На Юге стандарты поведения несколько отличаются от принятых на Севере, – мягко объяснила женщина. – Девочки из приличных семейств с рождения воспитываются в утонченных традициях истинных леди-южанок. Но Катарина Луиза не только не выказывала ни малейшей склонности следовать этим традициям, но и во всеуслышание над ними издева-

лась. Матери, естественно, боятся того влияния, которое может оказать Катарина на их дочерей.

Сердце Кейна дрогнуло от жалости к Кит. Не так-то легко расти с мачехой, ненавидевшей падчерицу, отцом, попросту игнорировавшим девочку, и постоянно находиться среди людей, не одобрявших ее повадок.

– Неужели в этом городе не найдется того, кто бы испытывал к ней хотя бы малейшую симпатию?

Маленькие руки Мэри взметнулись в воздух.

– Боже, мистер Кейн, вы не так меня поняли! Все мы очень любим ее. Катарина Луиза – доброе и великодушное создание. Благодаря ее меткой стрельбе на столах самых бедных не раз появлялась дичь, и, кроме того, она считает своим долгом ободрять павших духом. Но это не меняет того факта, что ее поведение переходит все границы общепринятых норм.

Кейн слишком давно играл в покер, чтобы не распознать сокрушительного поражения. Ничего не скажешь, он наголову разбит. Уильям Риттер дал ему рекомендательные письма к четырем радерфордским семьям, и все как одна отвергли его предложение. Он доел чертов сэндвич с вареньем и откланялся.

Возвращаясь в «Райзен глори» на костлявой кобыле, которую он нанял на платной конюшне в Чарлстоне, Бэрн был вынужден признать неприятную правду: хочет он того или нет, от Кит ему не отделаться.

Впереди показался дом – красивое двухэтажное здание из оштукатуренного кирпича, возвышавшееся в конце извилистой, заросшей сорняками подъездной аллеи. Несмотря на запущенный вид, отставшую краску и поломанные ставни, особняк был еще довольно прочным. Над черепичной крышей возвышались виргинские дубы, поросшие седым испанским мхом. Неухоженные клумбы утопали в азалиях, жимолости и аспарагусе, магнолии роняли лакированные листья на высокую траву переднего двора.

Прибыв сюда два дня назад, Кейн почти не обратил внимания на дом. Вместо этого он обследовал руины сгоревших хозяйственных построек, перебирал разбитые сельскохозяйственные инструменты, а проходя по пустому полю, время от времени останавливался, чтобы взять горсть плодородной земли, скользившей между пальцами, как теплый шелк. Снова и снова вспоминал он о Нью-Йорке и тамошней жизни, начинавшей его утомлять.

Кейн бросил поводья Эли, согбенному старику и бывшему рабу, вышедшему навстречу новому хозяину с ружьем, когда тот впервые прибыл на плантацию.

– Ни с места! – предупредил он. – Миз Кит велела мне пристрелить всякого, кто ступит на землю «Райзен глори».

– Мисс Кит давно пора отполировать задницу, – ответил Кейн, не упоминая о том, что уже успел выполнить сию важную миссию.

– Уж это точно, – неожиданно согласился негр. – Но все же придется прикончить вас, если подойдете ближе.

Кейн мог без труда обезоружить старика, но нуждался в его помощи, поэтому взял на себя труд объяснить, какое отношение имеет к Розмари и Кит. Поняв, что Кейн не один из тех предателей, кто пошел в услужение к северянам, а теперь шарил по округе в поисках легкой наживы, Эли отложил ружье и почтительно приветствовал владельца «Райзен глори».

Архитектор придал середине дома изящный изгиб. Кейн ступил в широкий центральный коридор, по которому гуляли сквозняки. Сюда выходили двери гостиных, музыкальной комнаты и библиотеки. Обветшавшая мебель была покрыта пылью. На красивом обеденном столе тикового дерева виднелись свежие зазубрины. Солдаты Шермана вытащили его во двор и рубили на столешнице последних оставшихся на плантации кур.

Кстати...

Кейн уловил аппетитный запах жареного цыпленка. Эли готовить не умел, а насколько мог судить Кейн, больше в доме никого не было. Бывшие рабы, соблазненные обещаниями сорока акров и мула каждому, отправились за армией северян. Неужели таинственная Софрония вернулась? Эли несколько раз упоминал о стряпухе «Райзен глори», но Кейн еще ее не видел.

– Добрый вечер, майор.

Кейн застыл, словно пораженный громом, при виде выступившей из тени маленькой, слишком хорошо знакомой фигурки. Не помня себя, он стал сыпать ругательствами.

Кит нервно сжимала пальцы. Лучше держаться подальше от него, пока он не привыкнет к мысли о ее присутствии.

Она покинула городской дом Кейна тем же путем, каким туда попала. Через ограду. С собой она взяла свой узел, а заодно прихватила жизнеописание Людовика XV, вдохновившее ее на отчаянный план, задуманный сразу после отъезда Кейна.

Теперь она растянула губы в такой широкой улыбке, что даже щеки заныли.

– Надеюсь, вы проголодались, майор. Есть жареный цыпленок и горячие лепешки с пахтаньем, которые так и просятся в рот. Я даже оттерла обеденный стол, чтобы можно было поесть в столовой. Конечно, он немного поцарапан, зато под-лин-ный шератон. Слышали когда-нибудь про Шератона, майор? Мало того что он был англичанином, так к тому же еще и баптистом. Вам это не кажется немного странным? По-моему, только южанам пристало быть баптистами. Я...

– Какого дьявола ты тут делаешь?

Она, разумеется, понимала, что он разозлится, но не до такой же степени! Откровенно говоря, Кит вовсе не была уверена, что готова выдержать ураган. Она вытерпела утомительное обратное путешествие в Чарлстон, бесконечно долгую езду в фургоне, а последние пятнадцать миль добиралась пешком, обгорев на солнце и сбив в кровь ноги. Последние деньги ушли на припасы для сегодняшнего ужина. Она даже успела искупаться на кухне и переоделась в чистую рубашку и штаны, так что пахло от нее только грубым мылом. К собственному удивлению, девушка обнаружила, что чистота – не такая уж плохая штука, и с тех пор мылась регулярно, хотя при этом приходилось созерцать свою обнаженную грудь.

Что ж, если другого выхода нет, придется кокетничать, подражая южным красавицам, хотя при одной мысли об этом ее тошнило.

– Как что, майор, – прошептала она, хлопая ресницами, – готовлю для вас ужин. Только и всего.

Бэрон громко скрипнул зубами.

– Нет. Готовишься к смерти. Потому что сейчас я придушу тебя своими руками!

Нельзя сказать, что Кит безоговорочно ему поверила, но что-то в этом голосе говорило о серьезности намерений.

– Не смей орать на меня! Ты на моем месте сделал бы то же самое!

– О чем это ты?

– Неужели остался бы в Нью-Йорке, зная, что кто-то собирается отнять то единственное, что тебе дорого? Уж наверное, не сидел бы в своей роскошной спальне, читая книги и примеряя дурацкие платья, пока все вокруг рушится! Небось помчался бы в Южную Каролину со всех ног и из кожи бы вылез, пытаясь сохранить то, что тебе принадлежит!

– Кажется, я сообразил, что ты задумала.

Он двумя шагами перекрыл расстояние между ними и, прежде чем Кит сумела отскочить, принялся шарить руками по ее телу.

– Прекрати!

– Ни за что, пока не обезоружу тебя!

Девушка ахнула, когда нетерпеливые пальцы коснулись ее груди. Ее словно молнией ударило, но Кейну, похоже, было все равно. Такого же обращения удостоились ее талия и бедра.

– Да отвяжись ты!

Но тут он как раз отыскал привязанный к ноге нож.

– Собиралась пустить это в ход, когда усну?

– Если у меня не хватило духу пристрелить тебя, вряд ли я стала бы орудовать ножом!

– Наверное, захватила с собой, чтобы строгать зубочистки?

– Ты отнял револьвер. Не могла же я путешествовать без всякой защиты!

– Понятно, – буркнул он, отбросив нож. – В таком случае, если ты отказалась от планов мести, что у тебя на уме?

Все шло совсем не так, как надеялась Кит. Ей очень хотелось попросить, чтобы он отодвинулся подальше, но у нее хватило ума промолчать. Не стоит идти на такой риск!

– Почему бы сначала не поужинать? А потом поговорим. В здешних местах еда ценится на вес золота. Не хочешь же ты, чтобы все остыло.

– Ладно, – немного поразмыслив, согласился Кейн. – Но не надейся, что после ужина я обо всем забуду.

Девушка кивнула и почти бегом направилась к кухне.

– Подожди минутку, я накрою на стол.

Кейну следовало бы допросить ее немедленно, но уж очень он был голоден, черт возьми! С самого отъезда из Нью-Йорка ни разу не поел по-человечески!

Он спрятал нож и вернулся в столовую. Тут же появилась Кит с блюдом, которое поставила на стол, и он только сейчас заметил то, чего не удосужился увидеть раньше. Все, от коротко стриженных волос до клетчатой рубашки с оторванной на вороте пуговицей и темно-коричневых штанов, висевших мешком на узких бедрах, было чистым. И физиономия ее сияла чистотой! Ему и в голову не приходило, что ее можно заставить мыться по доброй воле. Только силой. Очевидно, чтобы умаслить его, она пошла на все. Правда, вряд ли ей это удастся. Поверить невозможно, что она проделала такое путешествие в одиночку. Впрочем, почему бы нет? Ей неведомы ни осторожность, ни благоразумие.

– Садитесь, майор. Думаю, что вам понравится.

Кейн был вынужден признать, что кухарка из нее неплохая. Кожица цыпленка золотилась, а от лепешек поднимался аппетитный пар. Даже салат из одуванчиков был на редкость вкусен.

Наевшись, он развалился на стуле.

– Только не говори, что ты сама все приготовила.

– Конечно, сама. Будь здесь Софрония, наверняка помогла бы, но она еще не вернулась.

– Софрония – это кухарка?

– Она еще и заботилась обо мне.

– И делала это не слишком старательно.

Фиалковые глаза угрожающе сузились.

– Не тебе говорить. Я тоже могла бы сказать кое-что о твоём воспитании.

Сытный ужин немного смягчил его, так что на этот раз она не получила достойного отпора.

– Все было великолепно.

Девушка поднялась, чтобы принести стоявшую на буфете бутылку бренди.

– Розмари спрятала ее перед приходом янки. Сегодня, пожалуй, можно и выпить, чтобы отпраздновать твой приезд в «Райзен глори».

– Вполне в духе матушки. Заботиться о спиртном больше, чем о падчерице!

Кейн взял бутылку и стал вытаскивать пробку.

– Откуда «Райзен глори» получила столь необычное название?

– Все случилось вскоре после того, как мой дед построил дом, – начала Кит. – В двери постучался баптистский проповедник и попросил накормить его. Хотя бабушка была благочестивой методисткой, она все же дала ему еды. Они разговорились, и проповедник, услышав, что у плантации еще нет названия, посоветовал именно это, поскольку до Пасхи оставалось всего несколько дней. Так и сделали. Имеется в виду, что Иисус воскрес и возвеличился в прежней славе.

– Ясно, – кивнул он, выживая кусочек пробки из стакана. – Ну а теперь самое время рассказать мне, что ты тут делаешь.

В желудке у Кит неприятно засосало. Она тянула время, выжидая, пока он сделает глоток. Но ледяные глаза так и сверлили ее.

Кит подошла к открытым дверям, ведущим в заросший сад. Там было тихо и темно. Ночной ветерок доносил сладкий аромат жимолости. Боже, как она любила все это! Деревья, кусты, запахи... Но больше всего поля, покрытые белым снегом хлопка. Скоро, очень скоро все снова так и будет.

Она медленно повернулась к Кейну. Все зависело от следующих минут, и нужно повести игру умно и убедительно.

– Я приехала сделать вам предложение, майор.

– Я вышел в отставку. Почему бы не называть меня просто Бэрн?

– Если для вас это не очень важно, предпочту прежнее обращение.

– Думаю, это не худшее из прозвищ, которыми ты меня награждала, – буркнул он, снова откидываясь на спинку стула. В отличие от истинных джентльменов-южан, строго соблюдавших этикет, он не потрудился надеть к ужину галстук, и ворот рубашки был распахнут. Сама того не сознавая, она вдруг загляделась на его мощную шею. Очевидно, это продолжалось довольно долго, потому что он вопросительно поднял брови. Кит заставила себя отвести глаза.

– Итак, в чем состоит твое предложение?

– Ну... – Она попыталась втянуть в себя воздух. – Твоя часть сделки заключается в том, чтобы сохранить «Райзен глори», пока я не смогу выкупить ее.

– Так я и предполагал.

– Тебе не придется долго мучиться, – поспешила добавить она. – Всего пять лет, пока я не смогу получить бабушкины деньги.

Почему он так внимательно изучает ее?

Кит нерешительно прикусила губу. Предстоит самое трудное...

– Понимаю, что ты чего-то ждешь взамен.

– Разумеется.

Негодяй! Он еще смеет издеваться! Недаром в глазах заплясали веселые огоньки!

– То, что собираюсь предложить я... несколько необычно. Но если хорошенько подумать, ты поймешь, что это вполне справедливо. – Она громко сглотнула и замялась.

– Продолжай.

Девушка крепко зажмурилась, глубоко вздохнула и решилась.

– Я могу стать твоей любовницей.

Кейн поперхнулся.

– Вероятно, я застигла тебя врасплох, – протараторила Кит, – но даже ты должен признать, что я куда более интересная компания, чем эти жалкие пародии на женщин, которых тебе довелось встретить в Нью-Йорке. Посуди сам, я не хихикаю и не хлопаю ресницами. И не могла бы флиртовать, даже если бы хотела, и, уж конечно, от меня не услышишь ни о каких мопсах. Но самое главное: тебе больше не придется беспокоиться о дурацких балах

и ужинах, от которых большинство женщин без ума. Вместо этого мы могли бы охотиться, ловить рыбу и скакать по полям. Увидишь, нам будет хорошо вместе.

Кейн согнулся в приступе неудержимого хохота. Кит искренне пожалела о пропавшем ноже.

– Может, объяснишь, что такого смешного я сказала?

Кейну наконец удалось успокоиться. Отставив стакан, он поднялся из-за стола.

– Кит, ты знаешь, почему мужчины заводят любовниц?

– Конечно! Я читала жизнеописание Людовика Пятнадцатого.

Кейн ехидно усмехнулся.

– Мадам де Помпадур, – объяснила девушка. – Она была королевской любовницей. Когда я узнала о ней, у меня и возникла эта идея.

Она не добавила, что мадам де Помпадур считалась также самой могущественной женщиной во Франции. Умная и проницательная, она держала в руках не только короля, но и всю страну. Кит не так честолюбива, но у нее хватит сил справиться с плантацией, если майор согласится сделать ее любовницей. Кроме того, ей было нечего предложить, кроме себя.

Кейн попытался сказать что-то, но осекся, покачал головой и проглотил оставшееся бренди. Вид у него был такой, словно он вот-вот взорвется. Однако он довольно терпеливо объяснил:

– В обязанности любовницы входят не только охота и рыбная ловля. Ты имеешь хоть какое-то понятие, о чем я говорю?

Кит ощутила, как стало жарко щекам. Об этой части сделки она не задумывалась, и в книге об этом ничего не было сказано.

Как любой, кто вырос на плантации, она примерно знала, как размножаются животные, но в подробности не вдавалась, а Софрония решительно отказывалась отвечать на все вопросы подобного рода. Кит подозревала, что не совсем представляет, о чем идет речь, поскольку самые важные детали от нее ускользнули, но знала достаточно, чтобы брезгливо морщиться при мысли о самом процессе. Но тут уж ничего не поделаешь, придется идти до конца. По какой-то причине совокупление очень важно для мужчины, и от женщин требовалось смириться с этим фактом, хотя Кит представить не могла, что миссис Когделл способна позволить преподобному взобраться ей на спину, как это делали жеребцы с кобылами.

– Я знаю, о чем ты говоришь, и готова позволить тебе спариться со мной, – неохотно проворчала девушка, – хотя все это мне ненавистно!

Кейн снова рассмеялся, но тут же помрачнел, словно прикидывая, не стоит ли задать ей очередную трепку. Выхватив из кармана тонкую сигару, он вышел в сад и чиркнул спичкой. Кит последовала за ним. Кейн стоял у старой ржавой скамьи, взор его был устремлен куда-то вдаль. Она долго ждала ответа и, не дождавшись, спросила:

– Ну, что ты об этом думаешь?

– В жизни не слышал подобного вздора.

Огонек сигары бросал неверные отблески на его лицо, и Кит отчего-то стало не по себе. Господи, это ее единственный шанс сохранить «Райзен глори»! Неужели она его упустит? Она должна, должна убедить Кейна!

– Что же тут вздорного?

– Все!

– Может, объяснишь?

– Я твой сводный брат.

– Подумаешь! Какое это имеет значение, кроме чисто формального? До последнего времени ты и не подозревал о моем существовании!

– Кроме того, я все еще твой опекун, поскольку во всей округе так и не смог найти ни одного человека, готового избавить меня от этой обязанности, и, судя по твоему нынешнему поведению, в этом нет ничего удивительного.

– Я исправлюсь! И кроме того, неплохо стреляю, так что у тебя на столе всегда будет мясо.

Кейн снова разразился проклятиями.

– Выбирая любовницу, мужчины ищут не такую, которая поставляла бы им еду! Им нужна женщина, которая выглядит, ведет себя и пахнет как женщина!

– От меня тоже неплохо пахнет. Понюхай, – предложила Кит, поднимая руки, чтобы он смог проверить, но Бэруну было не до этого. Он так и кипел от злости.

– Такая женщина должна уметь улыбаться, вести приятную беседу и ублажать мужчину в постели, то есть делать все то, о чем ты понятия не имеешь. Так что, боюсь, ты вне игры!

Кит поспешно проглотила достойный ответ и смирила гордость.

– Я могла бы научиться...

– О, ради Бога! – фыркнул он, направляясь к другому концу заросшей травой дорожки. – Я уже все решил.

– Пожалуйста! Не...

– Я не продам плантацию.

– Не продашь...

Кит задохнулась от счастья. Он передумал!

– О, майор! Это... Ничего прекраснее я в жизни не слышала!

– погоди радоваться. У меня одно условие.

Кит мгновенно насторожилась. Сердце кольнуло дурным предчувствием.

– Никаких условий! Нам они ни к чему.

Он ступил в янтарное озеро света, лившегося из окон столовой.

– Тебе придется вернуться в Нью-Йорк и поступить в школу.

– В школу? – ахнула Кит, не веря своим ушам. – Но мне уже восемнадцать! Я слишком стара для школы. Кроме того, я всю жизнь занималась самообразованием.

– Не в такую школу. В пансион. Место, где учат этикету, хорошим манерам и умению держать себя – короче, всем женским добродетелям, о которых ты понятия не имеешь.

– Пансион! – в ужасе прошептала девушка. – Да это самое идиотское, самое инфантильное...

Но, заметив, что Кейн грозно нахмурился, она мгновенно изменила тактику.

– Позволь мне остаться здесь. Пожалуйста. Я не доставлю тебе ни малейшего беспокойства. Клянусь Богом, я не стану помехой. Буду спать в хижине, и ты даже не заметишь моего присутствия. Поверь, я могу быть полезной, потому что лучше меня никто не знает этой плантации. Не отсылай меня, пожалуйста!

– Ты сделаешь, как я велю.

– Нет, я...

– Если вздумаешь взбрыкнуть, я продам «Райзен глори» так быстро, что ты и опомниться не успеешь. Поверь, у тебя не останется ни малейшей надежды получить ее обратно.

Кит стало дурно. Ее ненависть к Кейну сгустилась в жесткий, тугой ком, осевший где-то рядом с сердцем.

– И сколько... сколько мне придется пробыть в этом пансионе?

– Пока не станешь вести себя как леди, так что, полагаю, все зависит от тебя.

– Но ты можешь продержаться меня там всю жизнь.

– Хорошо. Скажем, года три.

– Но это невыносимо долго! К тому времени мне исполнится двадцать один!

– Тебе многому нужно научиться. Впрочем, выбор за тобой.

Кит горько вздохнула.

– А что будет потом? Смогу я выкупить у тебя «Райзен глори»?

– Поговорим, когда время придет.

Он обладает властью на годы разлучить ее с «Райзен глори», со всем, что она любила.

Кит отвернулась и бросилась в столовую. Она унизилась до того, что предложила ему себя, и сознание этого невыносимо ее терзало. Ничего, когда ссылка окончится и «Райзен глори» перейдет к ней, он заплатит за все.

– Что скажешь, Кит? – спросил он, внезапно появляясь в комнате.

– Похоже, ты не дал мне выбора, янки, – с трудом выдавила она.

– Так-так-так...

Тишину разорвал женский голос, низкий, бархатисто-чувственный.

– Поглядите-ка, кого привезла моя девочка из самого Нью-Йорка!

– Софрония! – взвизгнула Кит, с разбегу бросившись в объятия стоявшей на пороге женщины. – Где ты была?

– В Радерфорде. Джексон Бейкер заболел.

Кейн в изумлении уставился на женщину. Так это та самая Софрония? До сих пор он представлял себе полную пожилую негритянку, но той, что стояла перед ним, не могло быть больше двадцати пяти. Кроме того, она так и сияла необычной, экзотической красотой. Стройная, с изумительной фигурой, Софрония возвышалась над Кит на целую голову. Высокие, чуть выдающиеся скулы, кожа цвета жженого сахара, раскосые золотистые глаза... Взгляды их встретились и застыли поверх макушки Кит.

Наконец Софрония высвободилась из объятий воспитанницы и шагнула к Бэрону, двигаясь с ленивой грацией пантеры. Даже простая хлопковая ткань ее платья выглядела на ней дорогим шелком. Встав перед Кейном, она спокойно протянула тонкую руку:

– Добро пожаловать в «Райзен глори», хозяин.

До чего же омерзительно вела себя Софрония в поезде по дороге на Север! Только и слышишь: «да, сэр», «нет, сэр», сплошные льстивые улыбочки, любое желание Кейна немедленно исполняется... Ни разу, ни разу она не приняла сторону Кит! Правым неизменно оказывался ненавистный майор.

– Потому что он и в самом деле прав, – заявила Софрония, когда Кит окончательно потеряла терпение. – Пора бы уже вести себя как подобает взрослой женщине. Свою природу не изменишь.

– А тебе давно пора вспомнить, с кем ты заодно и кто тебе ближе.

Софрония и Кит искренне и нежно любили друг друга, несмотря на то что одна была белой госпожой, а другая – черной рабыней. Но это еще не означало, что они никогда не спорили. И эти споры становились все горячее по мере приближения к Нью-Йорку.

Наконец они добрались до места. С той минуты как Магнус узрел Софронию, он ходил как в тумане, пьяный от ее чар и безнадежной любви, а миссис Симмонс только и превозносила достоинства Софронии, и уже через три дня Кит до смерти это надоело. Настроение, и без того мрачное, теперь было хуже некуда.

– Я выгляжу настоящей идиоткой!

Рыжеватая фетровая шляпа, нахлобученная на короткие волосы Кит, удивительно походила на раздавленный соусник. Коричневато-желтый жакет, хоть и сшитый из дорогой ткани, мешком висел на худых плечах девушки. Подол уродливого платья из коричневой саржи волочился по ковру. Кит выглядела так, словно ради смеха переделалась в костюм престарелой незамужней тетушки.

Увидев это безобразие, Софрония вызывающе подбоченилась.

– А что ты ожидала, спрашивается? Я же говорила, что те вещи, которые купила миссис Симмонс, тебе слишком велики, но ты и слышать ничего не захотела! Если хочешь знать, так тебе и надо за то, что воображаешь, будто умнее всех!

– Нечего задирать нос только потому, что ты на три года старше меня и оказалась в Нью-Йорке. Подумаешь, королева нашлась!

Красиво вырезанные ноздри Софронии дрогнули.

– А ты думаешь, будто можешь говорить мне что в голову взбредет? Ну так вот, Кит Уэстон, я больше не твоя рабыня. Понятно? Я не принадлежу тебе. И никому не принадлежу, кроме Иисуса.

Кит вовсе не хотелось ранить чувства Софронии, но та иногда бывала на удивление упряма.

– Ну да, разве тебе знакомо слово «благодарность»? Я научила тебя считать, читать и писать, нарушив при этом закон. Я спрятала тебя от Джесса Овертерфа в ту ночь, когда он хотел лечь с тобой. А теперь ты при каждом удобном случае принимаешь сторону этого янки!

– Нечего попрекать меня неблагодарностью! Сколько лет я старалась увести тебя подальше с глаз миз Уэстон! Каждый раз, когда она ловила тебя и запирала в кладовой, именно я выпускала тебя, за что и получала розги! Не желаю ничего слышать ни о какой благодарности! Ты – петля у меня на шее. Душишь меня. Лишаешь воздуха, которым я дышу. Если бы не ты...

За дверью послышались шаги, и Софрония немедленно осеклась. В комнате появилась миссис Симмонс и объявила, что Кейн ждет внизу, чтобы отвезти Кит в выбранную им школу.

И тут воюющие стороны мгновенно забыли обо всем и бросились друг другу в объятия. Наконец Кит отстранилась, подняла дурацкую шляпу и пошла к двери.

– Береги себя, слышишь? – прошептала она.

– Смотри не давай себя в обиду в этой модной школе, – наказала Софрония.

– Не дам.

На глазах негритянки выступили слезы.

– Не бойся, Кит, не успеешь оглянуться, как мы снова будем вместе.

Часть вторая. Девушка из Темптона

*Манеры – наиболее удачный способ созидания.
Ралф Уолдо Эмерсон*

Глава 5

Здание Темптонской академии для молодых леди на Пятой авеню издалека походило на огромного кита из серого камня. Порекомендовал это почтенное заведение Гамильтон Вудуард, поверенный Кейна. Хотя обычно туда не брали таких взрослых девушек, Эльвира Темптон сделала исключение для героя Мишинери-Ридж.

Кит, нерешительно переминаясь, стояла на пороге комнаты третьего этажа, где ей предстояло поселиться, и разглядывала пятерых девочек в одинаковых синих платьях с белыми воротничками и манжетами. Все они сгрудились у единственного окна, прижавшись носами к стеклу. Кит недолго пришлось гадать, что именно привлекло их внимание.

– О, Элсбет, ну разве он не самый красивый мужчина на свете?

Элсбет, девочка с жесткими каштановыми локонами и смазливый свежим личиком, тяжело вздохнула:

– Подумать только, он был здесь, в академии, и никому из нас не позволили спуститься вниз! Какая несправедливость! – Она весело хихикнула. – Впрочем, мой отец утверждает, что он вовсе не настоящий джентльмен.

Опять смешки.

– Мадам Риккарди, оперная певица, – сообщила прелестная белокурая девочка, напомнившая Кит Дору Ван Несс, – была вне себя от отчаяния, когда он заявил ей, что переезжает в Южную Каролину. Об этом все слышали. Знаете, ведь она его любовница!

– Лилит Шелтон! – хором воскликнули пансионерки в притворном ужасе. Лилит ответила презрительным взглядом.

– Вы до того наивны, что просто противно! Такой искушенный мужчина, как Бэрн Кейн, должен иметь десятки любовниц!

– Помните, что мы решили, – предупредила третья девица. – Хоть она и его подопечная, нам следует ненавидеть всех южан! Пусть убирается к себе, там ей самое место.

Терпение Кит лопнуло. С нее довольно!

– Если это означает, что мне никогда не придется разговаривать с вами, глупые сучонки, тем лучше! – выпалила она. – Вот уж не было печали!

Девушки дружно обернулись и ахнули, бесцеремонно разглядывая ее платье и шляпу. Еще один пункт в длинном списке обид и оскорблений, нанесенных Кейном.

– Вон отсюда! Убирайтесь! Проваливайте! Чтобы я вас здесь не видела! И если кого поймаю, надаю пинков по тощим задницам!

Девочки с испуганным визгом ринулись прочь. Все, кроме одной. Той, кого они называли Элсбет. Она тряслась от страха, пухлые губы дрожали, глаза стали огромными, как блюдца, и повлажнили от слез.

– Ты что, оглохла? Я велела тебе исчезнуть.

– Не... н-не могу.

– Почему, черт возьми?

– Я... я здесь живу.

– Вот как?!

Только сейчас Кит заметила, что в комнате стоят две кровати.

Милое личико девочки яснее слов говорило о природной доброте, и Кит решила прекратить свои нападки. Но в то же время девчонка была врагом, а врагов следует уничтожать.

– Тебе придется перебраться в другую спальню.

– Миссис... миссис Темплтон не позволяет. Я у-уже просила.

Кит выругалась, подхватила юбки и плюхнулась на кровать.

– Как это тебе повезло заполучить меня в соседки?

– Мой отец... Он п-поверенный мистера Кейна. Я Элсбет Вудуард.

– Я бы сказала, что рада познакомиться, но мы обе знаем, что это будет неправдой.

– Я... я лучше пойду.

– Валяй.

Элсбет с облегченным вздохом выпорхнула за порог. Кит улеглась поудобнее и попыталась представить, каким образом ей удастся пережить следующие три года.

Для поддержания дисциплины Темплтонская академия использовала систему замечаний. За каждые десять замечаний девочку запирали в спальне на всю субботу. К концу первого дня Кит нахватала ровно восемьдесят три замечания (упоминание имени Господа нашего всуе автоматически приравнивалось к десяти штрафным очкам). К концу недели она потеряла счет тем взысканиям, которые на нее сыпались.

Миссис Темплтон вызвала Кит в свой кабинет и пригрозила исключением, если та не будет подчиняться общим правилам. Кит обязана ходить на занятия. Ей выдали два форменных платья, одно из которых ей придется немедленно надеть. Она должна следить за своей речью. Леди не говорят «проваливай» и «свинство». Леди характеризуют предмет не слишком высокого качества как «неважный», а не «никчемушнее жабьего плевка». И самое главное, леди никогда не употребляют бранных слов.

Кит стоически вынесла выговор, хотя в душе тряслась от ужаса. Если старая курица выгонит ее, Кит нарушит договор с Кейном и навеки потеряет «Райзен glory».

Она поклялась себе укротить свой буйный нрав и всячески сдерживаться, но с каждым днем это благое намерение оказывалось все труднее осуществить. Остальные пансионерки, хоть и были на три года младше, ушли так далеко, что догнать их не представлялось возможным. Эти маленькие женщины ехидничали над ее неровно подстриженными волосами и хихикали, когда она цеплялась юбкой за стулья. Как-то раз страницы ее французского учебника оказались склеены, на другой день озорницы связали узлами ее ночную сорочку. До этого она шла по жизни размахивая кулаками, силой пробивая себе дорогу, а теперь приходилось рассчитывать каждый жест. Вместо того чтобы немедленно мстить, она запоминала оскорбления и обиды, чтобы вновь и вновь перебирать их в памяти по ночам, лежа в постели. Когда-нибудь Бэрн Кейн за все ответит.

Элсбет в ее присутствии по-прежнему вела себя как испуганная мышка, и хотя наотрез отказалась вместе со всеми преследовать парию, все же была слишком застенчива и бесхарактерна, чтобы заставить подруг прекратить издевательства. Однако ее доброе сердечко не могло терпеть несправедливости, особенно когда она поняла, что Кит далеко не так свирепа, как кажется на первый взгляд.

– Все безнадежно, – призналась ей Кит однажды вечером, после того как во время урока танцев запуталась в собственном подоле и свалила с постамента китайскую вазу. – Никогда мне не выучиться танцевать. И говорю я слишком громко. Ненавижу носить юбки, и из всех музыкальных инструментов умею играть только на варгане. Кроме того, при одном взгляде на Лилит Шелтон так и хочется выругаться!

Огромные глаза Элсбет встревоженно округлились.

– Тебе следует быть с ней повежливее. Лилит – самая красивая и умная девочка в школе.

– И самая подлая. Будто не знаешь, что она вытворляет!

– Но она вряд ли делает это нарочно!

– Думаю, ты ошибаешься. Просто ты сама настолько порядочна, что тебе в голову не приходит искать недостатки в других людях. Даже во мне. А я... сама знаешь... хуже меня и найти трудно!

– Но это неправда! Ты вовсе не такая уж плохая.

– Просто отвратительная! Но все же лучше негодяек, которые учатся в этой школе. Клянусь, ты единственный приличный человек из всех, кто здесь обитает.

– Неправда! – горячо воскликнула Элсбет. – Почти все они довольно милые, просто ты не дала им возможности показать себя. Так рычишь, что они пугаются.

Кит немного приободрилась.

– Спасибо. Честно говоря, не пойму, как кто-то может меня бояться. Что бы я ни делала, все невпопад. Страшно подумать, как я протяну здесь целых три года.

– Отец не говорил, что тебе придется пробыть здесь так долго. Да ведь тебе к тому времени будет двадцать один год! Слишком стара, чтобы учиться в пансионе!

– Знаю, но ничего не могу поделать, – вздохнула Кит, теребя серое шерстяное одеяло. Не в ее привычках было откровенничать, но сегодня одиночество ощущалось особенно остро. – Ты когда-нибудь любила так сильно, что готова была отдать все, лишь бы защитить то, что любишь?

– О да. Мою младшую сестренку Агнес. Она не похожа на других детей. Хотя ей уже почти десять, она не умеет ни читать, ни писать, но при этом настоящий ангел, и я никогда и никому не позволю ее обидеть.

– Значит, ты меня поймешь.

– Расскажи, Кит. Облегчи душу.

Вот так Кит поделилась своей бедой с Элсбет. Описала «Райзен глори», поля и дом, упомянула о Софронии и Эли, попыталась донести до Элсбет красоту деревьев, меняющих цвет в зависимости от времени суток. И в заключение объяснила суть договора с Кейном. Правда, умолчала при этом об истории с переодеванием, о том, как пыталась убить майора и, уж конечно, о предложении стать его любовницей.

– Он сам дьявол, – возбужденно шептала она, – а я совсем бессильна. Если меня исключат, он продаст «Райзен глори». И если даже я выполню его условия, все равно придется ждать еще два года, прежде чем мне перейдут деньги из трастового фонда. На них я и выкуплю поместье.

– Неужели нет способа раздобыть деньги пораньше?

– Только если выйду замуж, чему, разумеется, не бывать.

Но Элсбет недаром была дочерью адвоката.

– Если ты выйдешь замуж, – рассудительно заметила она, – все деньги перейдут к мужу. Таков закон. Ты не сможешь тратить их без его позволения.

Кит равнодушно пожала плечами.

– Все это отвлеченные рассуждения. Не нашелся еще тот мужчина, которому я решилась бы отдать свою свободу. Кроме того, какая из меня жена? Единственное, что я умею, так это готовить.

Элсбет хоть и сочувствовала подруге, но практические соображения взяли верх.

– Поэтому все мы здесь. Учимся быть достойными женами и матерями. Всему Нью-Йорку известно, что самые блестящие женихи из кожи вон лезут, чтобы повести к алтарю девушку из Темплтонской академии. Мужчины со всего Востока съезжаются на выпускной бал.

– Да хоть из Парижа, мне все едино. Меня ты ни на каком балу не увидишь.

Но Элсбет, охваченная вдохновением, уже закусила удила и неслась вперед.

– Все, что тебе нужно, – подобрать подходящего мужа. Такого, который постарается сделать тебя счастливой. Тогда все уладится. Мистер Кейн больше не будет твоим опекуном, а ты получишь деньги.

– Ты и в самом деле очень добрая, но должна признаться, что такой глупости я в жизни не слышала. Пойми, замужество означает, что я должна собственными руками отдать какому-то мужчине свое состояние.

– Нужно искать того, кто безумно бы в тебя влюбился, и деньги останутся в твоём распоряжении. Главное – перед венчанием взять с него обещание купить тебе «Райзен глори» вместо свадебного подарка!

Элсбет восторженно захлопала в ладоши, захваченная ослепительным видением.

– Только представь, как это все романтично! Сможешь вернуться домой сразу после медового месяца.

Медовый месяц и муж... С таким же успехом Элсбет могла говорить на другом языке.

– Вздор и чушь! Какой мужчина захочет на мне жениться, не говоря уже о безумной любви?!

– А ну-ка встань!

Голос Элсбет внезапно обрел те же повелительные интонации, что звучали в голосе грозной Эльмиры Темплтон. Кит нерешительно поднялась. Подруга задумчиво постучала пальцем по щеке.

– Ты невероятно худа, а волосы хоть и мягкие, все же... настоящий ужас. Разумеется, они отрастут, – вежливо добавила она, – и цвет просто замечательный, черный как ночь. Даже сейчас все было бы ничего, если бы их подровнять. Глаза кажутся чересчур большими на таком маленьком личике, но, думаю, это потому, что ты в последнее время осунулась. – Она медленно обошла Кит. – Когда-нибудь ты станешь красавицей, так что хотя бы об этом не стоит беспокоиться.

Кит мрачно нахмурилась.

– А о чем стоит беспокоиться?

Но теперь Элсбет было не так-то легко запугать угрюмым видом и злобным шипением.

– Обо всем остальном. Тебе придется научиться говорить и ходить, знать, когда открыть рот и, что всего важнее, когда промолчать. Словом, всему, что предлагают в академии. Тебе повезло, что мистер Кейн выделил такую солидную сумму на гардероб. Можно одеться по последней моде.

– К чему мне это? Уж лучше купить лошадь.

– Лошади в отличие от академии не помогут тебе раздобыть мужа.

– Уж не знаю... до сих пор я особыми успехами не отличалась.

– Это точно, – лукаво усмехнулась Элсбет. – Но ведь ты и не просила меня о помощи. Идея была невыносимо глупой, но в душе Кит отчего-то загорелась искорка надежды.

Верная своему слову, Элсбет сдержала обещание и с энтузиазмом взялась за подругу: подстригла волосы Кит маникюрными ножницами и помогла по предметам, по которым та отстала. Постепенно Кит перестала сбивать вазы во время танцев и обнаружила в себе способности орудовать иглой: не вышивать по канве, что она ненавидела, но добавлять экстравагантные детали к таким туалетам, как школьная форма (десять замечаний). Кроме того, она легко осваивала французский и вскоре стала незаменимой наставницей для тех девочек, которые когда-то издевались над ней.

К Пасхе план Элсбет найти для нее мужа перестал казаться смехотворным, и перед сном она любила помечтать о том, что «Райзен глори» скоро станет принадлежать ей. Навечно.

Представьте только!

Теперь, когда Софрония возвысилась до должности экономки на плантации, обязанностей у нее прибавилось.

Она спрятала письмо Кит в письменный стол с инкрустациями, где хранила книгу расходов, и, поевшись от февральского холодка, покрепче стянула концы шали. Кит, пробыв в академии уже семь месяцев, похоже, смирилась с судьбой.

Софрония скучала по ней. Пусть Кит по-детски наивна, но она понимает многое из того, что недоступно другим людям. Кроме того, она единственная в мире, кто любит Софронию. Правда, иногда они умудрялись ссориться даже в письмах, и это было первым, которое Софрония получила за последний месяц. Она хотела было сразу же написать ответ, но потом решила немного подождать. По всему видно, что ее послания только злят Кит. Казалось бы, она должна радоваться, узнав, как хорошо идут дела и как прекрасно управляет плантацией Кейн, но девчонка обвинила Софронию в том, что та заодно с врагом.

Софрония оглядела уютную гостиную в глубине дома, любуясь новой обивкой дивана и игрой солнечных лучей на изразцах дельфтского фаянса, которыми был выложен камин. Мебель, отполированная пчелиным воском, сверкала, как, впрочем, и натертые полы. Из комнаты еще не выветрился запах краски.

Иногда Софрония ненавидела себя за то, что трудится с утра до вечера, приводя в порядок дом. Стирает пальцы до костей ради этого мужчины, словно войны никогда не было и она по-прежнему невольница. Правда, сейчас ей платили, и куда больше, чем любой экономке в округе. Но все равно она была недовольна собой.

Софрония встала перед зеркалом в позолоченной раме, висевшим в простенке между окнами. Она никогда не выглядела лучше. Сытная еда пошла ей на пользу, округлив резкие изгибы тела и смягчив угловатые черты лица. Теперь она высоко подбирала длинные волосы, и модная прическа увеличивала и без того немалый рост. Но ей это нравилось. Со своими раскосыми экзотическими глазами и светло-коричневой кожей Софрония походила на амазонку, изображенных в книге, которую она отыскала в библиотеке. Только вот платье подкачало. Слишком простое. Она хотела, чтобы у нее были наряды от дорогой модистки. Хотела иметь духи и шелка, пить шампанское из хрустальных бокалов. Но больше всего Софрония мечтала о собственном доме. Уютном, выкрашенном в пастельные цвета особнячке в Чарлстоне, где у нее будет своя горничная, достаток и надежная защита. И она совершенно точно знала, как осуществить свою мечту. Нужно пойти на то, что так ее пугало, и из экономки белого стать его любовницей.

Каждый вечер, подавая Кейну ужин, она соблазнительно покачивала бедрами и прижималась грудью к его плечу. Иногда она забывала свой страх перед белыми мужчинами ровно настолько, чтобы заметить, как он красив. Вспомнить, как он был к ней добр. Но он казался настоящим великаном: слишком большим, слишком могучим, чтобы в его присутствии она чувствовала себя легко и спокойно. Но несмотря ни на что, она кокетливо проводила языком по губам и бросала на Кейна зазывные взгляды, не гнушаясь ни одной из тех уловок, которые заставила себя усвоить от спесивых дамочек, не обращавших никакого внимания на негритянку.

Неожиданно перед глазами встал как живой Магнус Оуэн. Черт бы его побрал! Его самого и жалеющие взгляды, которые он на нее бросает. Иисусе сладчайший и благословенный, ну что тут поделать?! Просто смех и грех! Оуэн, который сгорает от желания, набрался наглости ее жалеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.